

И Р В И Н

ШОУ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

НИЩИЙ, ВОР

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Ирвин Шоу
Нищий, вор

«ФТМ»
«Издательство АСТ»

1977

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шоу И.

Нищий, вор / И. Шоу — «ФТМ», «Издательство АСТ»,
1977 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-087891-8

«Нищий, вор» – вторая книга легендарной семейной саги Ирвина Шоу о Джордах, продолжение романа «Богач, бедняк». Бурные шестидесятые. Консервативная «старая Америка» с ужасом и недоумением следит за бунтом молодежи, отказавшейся жить по диктуемым ей правилам. Новым, непривычным становится все: искусство, любовь, политика, образ жизни. Теперь второму поколению семьи, знакомой нам по первой части саги, – Билли Эбцботу и Уэсли Джордаху – предстоит бороться за свое место под солнцем. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-087891-8

© Шоу И., 1977
© ФТМ, 1977
© Издательство АСТ, 1977

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	15
3	23
4	34
5	40
6	50
7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ирвин Шоу Нищий, вор

© Irwin Shaw, 1977

© Перевод. И. Якушкина, наследники, 2014

© Перевод. Н. Емельяникова, наследники, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Посвящается Джиму и Глории

Часть первая

1

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

По словам Моника, я пустое место. Правда, говорит она это не на полном серьезе. Что же касается меня, то я не считаю Моника пустым местом. Но раз уж я в нее влюблен, то быть объективным трудно. Подробнее об этом дальше.

Однажды она поинтересовалась, что я пишу в этой записной книжке. Я ответил, что поскольку, как неустанно твердит наш полковник, мы здесь, в НАТО, на огневом рубеже цивилизации, то грядущим поколениям будет любопытно узнать, что означало быть на огневом рубеже цивилизации в Брюсселе во второй половине двадцатого века. Вдруг какой-нибудь покрытый атомной пылью ученый, роясь в руинах города, наткнется на обугленную по краям, покрытую пятнами засохшей крови (моей собственной) записную книжку и будет благодарен У. Эбботу-младшему за его старания поведать потомкам о жизни простого американского солдата, защищавшего цивилизацию в этой части Европы, рассказать о цене на устрицы в ту пору, о форме и объеме бюста его возлюбленной, о доступных ему развлечениях вроде постельных утех и кражи армейского бензина и так далее.

«И часто ты занимаешься такой ерундой?» – спросила Моника.

«А чем мне еще заниматься?» – возразил я.

«Разве у тебя нет никаких убеждений?» – полюбопытствовала она.

«Почему же? – сказал я. – Я убежден, например, что плыть надо только по течению. А поэтому, если идет по улице процессия, я скорее становлюсь в строй и, шагая с другими в ногу, приветствую толпу независимо от того, друзья это или враги».

«В таком случае продолжай свое сочинительство, – сказала Моника. – Только не забудь написать, что ты не истинный представитель своего поколения».

Слово «сочинительство», пожалуй, как нельзя лучше подходит для определения того, чем я занимаюсь. Я вышел из литературной среды. Мои отец и мать, так сказать, труженики пера или, скорей, были труженниками пера. Отец работал на рекламу, то есть творил в той области, которая не пользуется большим уважением ни у писателей, ни у издателей. Тем не менее, каковы бы ни были числившиеся за ним свершения или неудачи, он пришел к ним, сидя за пишущей машинкой. Сейчас он живет в Чикаго и часто, особенно когда пьян, пишет мне. Я незамедлительно отвечаю. Мы большие друзья, поскольку нас разделяют четыре тысячи миль.

Моя мать – общаемся мы предельно мало – раньше сочиняла критические статьи для каких-то безвестных журнальчиков. Сейчас она подвизается в кино. Я вырос под стук пишущих машинок, поэтому мне проще простого фиксировать свои нынешние мысли на бумаге. Развлечений здесь мало, хотя Брюссель лучше, чем Вьетнам, как говорит наш полковник.

Я играю с полковником в теннис и хвалю его за отличную подачу, хотя в этом он отнюдь не силен. Зато таким манером тоже можно делать карьеру.

Если русские не нанесут по НАТО упреждающего удара, как грозит наш полковник, я сумею продолжить свое «сочинительство». Будет чем заняться, когда затихает жизнь у нас в гараже, которым я заправляю.

Интересно, чем занят сейчас, когда я это пишу, начальник гаража при штабе войск Варшавского пакта, а?

Журналист Александр Хаббел работал в парижском отделении журнала «Тайм». Правда, на этой неделе он мог бы и не вспоминать про работу, потому что взял отпуск и вместе с женой приехал в Антиб. После обеда жена прилегла отдохнуть в номере гостиницы, а он пошел в полицию. Уже три дня ему не давала покоя фамилия, увиденная в «Нис-матэн», – Джордах. В антибском порту на шестой день после вступления в брак был убит американец по фамилии Джордах. Убийца или убийцы разыскиваются. Пока неясны и мотивы преступления. Джордах, владелец стоявшей у причала в антибском порту яхты под названием «Клотильда», погиб на палубе собственного судна от удара по голове чем-то тяжелым.

Хаббел гордился профессиональной памятью, и его раздражало, что он никак не может вспомнить, почему фамилия убитого кажется ему знакомой. Наконец – слава Богу! – вспомнил. Когда он работал еще в Нью-Йорке, в одном из номеров «Лайфа» были помещены фотографии десяти восходящих звезд на политическом небосклоне Америки, в том числе некоего Джордаха – Хаббел забыл, как его зовут, – мэра города Уитби, в ста милях от Нью-Йорка. Потом припомнилось еще кое-что. Уже после выхода в свет этого номера «Лайфа» в Уитби разразился скандал: во время студенческих беспорядков, когда демонстранты пришли к дому мэра, его жена появилась в дверях пьяная и совершенно голая. Ее удалось сфотографировать, и снимок долго ходил по редакции из рук в руки.

Ясное дело, человек, жена которого не постеснялась выйти голой к толпе улюлюкающих студентов, вполне мог от нее избавиться и жениться на другой, более скромных нравов.

«Да и убитый, возможно, просто однофамилец того Джордаха, – решил Хаббел, остановившись у светофора. – Что общего между яхтой в антибском порту и городом Уитби в штате Нью-Йорк? Однако поинтересоваться стоит. Если это тот самый подававший надежды политический деятель, можно сочинить недурную историю». Хаббел уже пять дней был в отпуске и начал скучать.

В пустой приемной с обшарпанными стенами клевавший носом полицейский сразу оживился, когда Хаббел на отличном французском языке объяснил ему, что он журналист и хотел бы разузнать кое-какие подробности насчет убийства. Полицейский вышел в соседнюю комнату и, вернувшись через минуту, сказал, что шеф готов его принять. По-видимому, в тот день полиция Антиба не была перегружена работой.

Шеф оказался смуглым, сонным, невысокого роста человеком в голубой трикотажной рубашке и помятых хлопчатобумажных брюках. Передний зуб у него сверкал золотом.

– Чем могу служить, мсье? – спросил он.

Хаббел объяснил, что американскую общественность, несомненно, заинтересуют подробности смерти во Франции их соотечественника, особенно если убитый тот самый Джордах, которого он имеет в виду, личность довольно приметная у себя в стране. Он, Хаббел, и его редакция будут весьма признательны шефу, если тот поможет прояснить обстоятельства дела.

Шеф привык иметь дело с французскими журналистами, которые не сомневались, что это убийство – обычное сведение счетов между обитателями порта. Появление же пронырливого с виду сотрудника влиятельного журнала, расследующего гибель своего соотечественника на средиземноморском курорте, куда американцы любят приезжать отдыхать, – это нечто иное. Конечно, шефу было бы много приятнее, если бы преступника уже арестовали и посадили за решетку, но на данный момент ничего подобного не произошло.

– Имеются ли какие-либо сведения, – спросил Хаббел, – о личности убийцы или мотивах преступления?

– Мы тщательно разрабатываем все версии, – ответил шеф. – Трудимся круглые сутки.

– Есть ли какие-нибудь улики?

Шеф задумался. В кино репортеры всегда отыскивают улики, мимо которых проходит полиция. Кажется, этот американец – человек сообразительный. Может, он и в самом деле сумеет чем-нибудь помочь.

– Невестка мсье Джордаха рассказала мне, – заговорил шеф, – что ночью после своего бракосочетания мсье Джордах был вовлечен в ссору – случилось это в баре «Розовая дверь» в Канне, – в очень бурную ссору с человеком, который известен полиции. Это иностранец, югослав по фамилии Данович. Мы его допросили. У него полное алиби, но нам хотелось бы поговорить с ним еще раз. К сожалению, он куда-то исчез. В данный момент мы заняты его поисками.

– В бурную ссору, – повторил Хаббел. – То есть в драку?

– Исключительно жестокую, – подтвердил шеф. – По словам его невестки.

– Причина драки известна?

– Невестка говорит, что югослав пытался ее изнасиловать, но ему помешал мсье Джордах.

– Понятно, – протянул Хаббел. – Джордах имел привычку драться в барах?

– Никогда об этом не слышал, – ответил шеф. – Я был лично знаком с мсье Джордахом. Мы с ним иногда выпивали рюмку-другую. По-моему, он был человек уравновешенный. К нему здесь хорошо относились. Врагов у него, насколько нам известно, не было. Однако поверить в то, что в Штатах он был человеком влиятельным, как вы только что сказали, довольно трудно.

– «Нис-матэн» утверждает, что он был владельцем яхты, – возразил Хаббел. – Это одно уже свидетельствует о том, что человек он был влиятельный, – усмехнулся он.

– Это была рабочая яхта, – пояснил шеф. – Ее фрахтовали для круизов. Мсье Джордах этим и зарабатывал.

– Понятно, – повторил Хаббел. Да, трудно представить себе, чтобы один из десяти наиболее многообещающих политических деятелей принялся зарабатывать на хлеб насущный перевозкой пассажиров по Средиземному морю, сколько бы раз его жена ни появлялась перед публикой в голом виде. Хаббел начал терять интерес к этой истории. – А не замешана ли тут политика? – с надеждой спросил он.

– Сомневаюсь. Мсье Джордах не занимался политикой. Мы имеем обыкновение собирать сведения о людях, связанных с политикой.

– Наркотики?

– Вряд ли. И в этой области у нас есть информация. Или по крайней мере подозрения.

– В таком случае как вы лично могли бы его охарактеризовать? – не сдавался Хаббел, больше по привычке.

– Работяга. Приличный человек. – Очевидно, шеф хотел сказать «славный малый». В устах французского «фараона» эта сдержанная похвала прозвучала чуть снисходительно. – Честный, насколько известно, – продолжал шеф. – Но подружиться мы не успели. Он плохо говорил по-французски. Гораздо хуже вас, мсье. – Хаббел кивком головы поблагодарил за комплимент. – Что же касается моего английского, то он, к сожалению, оставляет желать лучшего. – Шеф смущенно улыбнулся. – Так что долгих и откровенных разговоров мы вести не могли.

– Известно, чем он занимался до приезда сюда?

– Служил в торговом флоте. – Шеф помолчал. Однажды, за стаканом вина, шеф обратил внимание на сломанный нос Джордаха и бесчисленные шрамы, и тот рассказал ему, что был боксером. Но попросил шефа об этом никому не говорить. В портовых кабаках разбушевавшиеся от алкоголя здоровяки имели обыкновение проверять свою мускулатуру именно на бывших боксерах. «Я поселился во Франции не для того, чтобы драться, – сказал тогда Джордах. – В этой стране мне не везет. Один раз меня здорово побили на ринге в Париже». И он

засмеялся. А после осмотра тела шеф пришел к выводу, что и в последней драке ему тоже порядком досталось.

«Собственно говоря, – подумал шеф, – а почему бы и не рассказать об этом журналисту? Джордаху это не повредит – ему ведь больше не придется пить в портовых кабаках».

– По-видимому, Джордах занимался и профессиональным боксом, – добавил он. – Даже как-то выступал в Париже. Дошел до финала. Где его и нокаутировали.

– Был боксером? – Хаббел снова оживился.

Может, удастся дать материал на пару сотен слов в колонке спорта. Если убитый выступал в парижском финале, значит, он был боксером с именем. Публике небезынтересно узнать про убийство американского боксера во Франции. По телексу он передаст в редакцию информацию, которую сумеет собрать здесь, а сведения о прошлом Джордаха пусть раскопают в архиве. Все равно в Нью-Йорке любую статью перекраивают на свой лад.

– Джордах? – переспросил Хаббел. – Что-то я не помню такого боксера.

– Он выступал на ринге под другой фамилией, – ответил шеф, беря себе на заметку, что ему тоже следует поинтересоваться этим периодом из жизни Джордаха. Профессиональный бокс – это бизнес, куда вечно лезут гангстеры. Может, там и отыщется мотив: нарушенное обещание, несостоявшаяся сделка. Как это он раньше не догадался! – На ринге он был Томми Джорданом.

– А! – отозвался журналист. – Теперь вспомнил. Ну конечно! Я даже помню, что о нем писали в газетах. Его считали многообещающим.

– Мне об этом ничего не известно, – сказал шеф. – Но, услышав про встречу в Париже, я заглянул в «Экип». По их мнению, он не оправдал надежд. – Нужно поскорее позвонить в Марсель одному менеджеру, у которого связи с milieu¹. – Извините, но мне пора вернуться к своим обязанностям, – добавил он. – Если вас еще что-то интересует, побеседуйте с членами его семьи. С женой, с братом, с сыном.

– С братом? Он здесь?

– Здесь вся семья, – ответил шеф. – Они были вместе в круизе.

– Вы, случайно, не знаете, как зовут брата?

– Рудольф. Они из немцев.

Рудольф! Хаббел вспомнил. Того, из «Лайфа», звали Рудольф Джордах.

– Но это было не его бракосочетание? – спросил он.

– Нет, – нетерпеливо ответил шеф.

– А его жена тоже здесь?

– Да. Она, как невестка погибшего, сумеет рассказать вам гораздо больше меня...

– Невестка? – вставая, переспросил Хаббел. – Значит, это она была в баре?

– Да. Советую вам поговорить с ней, – сказал шеф. – И если вы услышите что-нибудь такое, что окажется нам полезным, не считите за труд посетить нас еще раз. А сейчас, к сожалению, я...

– Где ее искать?

– Она живет в отеле «Дю Кап». – Шеф потребовал, чтобы Джин Джордах временно не покидала Антиба, и забрал у нее паспорт. Она может понадобиться следствию, когда найдут Дановича. Если найдут. На допросе она была в истерике и не совсем трезвой, поэтому ее рассказ получился запутанным и бессвязным. А потом этот идиот доктор заявил, что она человек неуравновешенный, хроническая алкоголичка, что, если шеф будет продолжать свои расспросы, он за нее не ручается, и сделал ей укол снотворного. – Все остальные сейчас, по-моему, на «Клотильде», которая стоит в гавани. Благодарю вас за проявленный интерес, мсье. Надеюсь, вы не напрасно потратили время. – Он протянул руку.

---

¹ Здесь: с этой средой (*фр.*).

– Merci, bien, monsieur², – сказал Хаббел. Он узнал все, что мог, и направился к выходу. А шеф сел за стол и, подняв телефонную трубку, начал набирать марсельский номер.

Залитое лучами послеполуденного солнца, шло, покачиваясь на средиземноморской волне, небольшое белое судно. Далекий берег казался сложенной из кубиков картинкой – расположившиеся у воды и на холмах бело-розовые особняки на фоне зеленых сосен, оливковых деревьев и пальм. Дуайер, приземистый, мускулистый, с добрыми темными глазами, стоял на носу яхты и плакал. На его белоснежном свитере красовалось название яхты: «Клотильда». Из-за торчащих верхних зубов его на всю жизнь прозвали Кроликом. И, несмотря на его мускулы и матросскую форму, в нем было что-то неискоренимо женственное. «Я не гомик», – сразу же после знакомства сказал он покойному, прах которого только что высыпали в море. Затуманенными от слез глазами смотрел он на берег. «Погода для богатых», – вспомнилось ему.

«Верно, – думал Дуайер. – Во всяком случае, такая погода не для нас с ним. Мы сделали ошибку. Не нужно было сюда приезжать».

А в рубке, в таких же, как у Дуайера, хлопчатобумажных штанах и белоснежном свитере, держа руку на руле из полированного дуба и меди, стоял Уэсли Джордах. Он не сводил глаз с клочка земли, на котором возвышалась антибская крепость. Он был не по возрасту высокий, худой, кожа да кости, но сильный, с бронзовым от загара телом и светлыми волосами, которые от яркого солнца и соленой воды местами стали совсем белыми. Как и Дуайер, он думал о человеке, прах которого сам высыпал в море, о человеке, который был его отцом.

– Эх ты, бедняга! – с горечью вывалось у него.

Ему вспомнился тот день, когда отец, которого он не видел много лет, приехал забрать его из военной школы на Гудзоне, где он с какой-то слепой, необъяснимой, бессмысленной яростью ввязывался в драки с половиной воспитанников независимо от их возраста и роста.

«Запомни, больше ты драться не будешь», – сказал ему тогда отец.

Уэсли молчал.

«Ты меня слышал?» – сурово спросил отец.

«Да, сэр».

«Не надо называть меня так. Я тебе не сэр, а отец».

«Себе самому нужно было запретить драться», – думал юноша, не сводя глаз с крепости, в которой, как ему рассказывали, провел ночь Наполеон, арестованный после бегства с острова Эльба.

На корме, возле поручня, стояли одетые в траур, никак не вязавшийся с ослепительным сиянием воды и солнца, Рудольф Джордах и Гретхен Берк, дядя и тетка юноши, брат и сестра убитого, городские жители, непривычные к морю, но зато свывшиеся с трагедиями. Эти двое в черном на фоне залитого солнцем горизонта стояли поодаль друг от друга, не разговаривали и старались не встречаться взглядами. Оставшееся недосказанным не нужно было ни объяснять, ни извинять, ни оплакивать.

Женщина – лет сорока с небольшим – была высокой, изящной и стройной, ее черные волосы развевались на ветру, обрамляя матово-бледное, еще не тронутое возрастом, но уже утратившее краски молодости лицо. Красивая в юности, она была красива – только по-другому – и сейчас; горе и чувственность, отражавшиеся на этом лице, были не временным, а постоянным его выражением. Ее чуть прищуренные из-за яркого солнца глаза того синего цвета, который с переменной освещенности порой становится фиолетовым, были сухи.

«Этому суждено было случиться, – думала она. – Неминуемо. И нам следовало это понимать. Он-то, наверное, понимал. Пускай подсознательно, но понимал. Все это насилие могло закончиться только насилием». Он был истинным сыном своего отца, единственным блонди-

---

² Большое спасибо, мсье (фр.).

ном в семье, непохожим на своих темноволосых брата и сестру, хотя все трое были зачаты на одном и том же ложе.

Мужчина тоже был худошавым и аристократически стройным: это была не природная стройность, а приобретенная ценою долгих усилий и тщательно поддерживаемая. Сейчас она еще подчеркивалась превосходно сшитым темным, словно для дипломатического приема, американского покроя костюмом. Он был всего на два года младше сестры, а выглядел гораздо моложе. Что-то обманчиво юношеское было в лице и манерах этого человека, речь и движения которого всегда были рассчитанными и продуманными, – человека, который пользовался большим авторитетом, всю жизнь боролся, одерживал победы и терпел поражения, брал на себя ответственность в любой ситуации, вышел из бедной семьи и сосредоточил в своих руках большое состояние, умел, когда нужно, быть безжалостным, когда полезно – хитрым, строгим к себе и другим, но когда представлялась возможность – по-своему великодушным. Обида на судьбу, вынудившую его уйти от дел, проявлялась или скорей угадывалась в крепко сжатых губах и настороженном взгляде. Он чем-то напоминал еще полного юношеского задора генерала военно-воздушных сил, которого отстранили от командования за допущенную подчиненными офицерами ошибку, в чем его вины, возможно, и не было.

«Он пошел один, – думал Рудольф Джордах. – Отворил дверь ко мне в каюту, увидел, что я сплю, тихо закрыл дверь и ушел – ушел, чтобы найти свою смерть. Он презрел мою помощь, пренебрег мною, забыв, что я тоже мужчина, ибо решил, если вообще размышлял об этом, что для данной ситуации у меня не хватит мужества».

А внизу собирала свои вещи Кейт Джордах. Сборы были короткими. Поверх других вещей она положила белый свитер с оттиснутым на нем названием судна – Томас расхохотался, увидев впервые, как растянулись буквы на ее полной груди, – и васильковое платье, которое он купил ей к свадьбе всего неделю назад.

Она заставила Томаса жениться на ней. Именно заставила. Они были счастливы, но когда она, добропорядочная англичанка, воспитанная, как и полагается низшему сословию, в духе послушания, поняла, что беременна... Отсюда и свадьба. А не будь свадьбы, у этой расфуфыренной, болтливой бабы, жены Рудольфа, не было бы повода напиться и связаться с сутенером-югославом, попытавшимся содрать с нее шикарные розовые брюки; никому не пришлось бы ее защищать, и человек, которому муж этой суки и в подметки не годится, был бы нынче жив и здоров.

«Перестань, – велела себе Кейт. – Прекрати сейчас же».

Она с силой захлопнула крышку чемодана, уселась на краю койки, сложив на коленях свои быстрые ловкие руки – в ее крепком загорелом теле уже было заметно присутствие ребенка, – и в последний раз оглядела тесную каюту, за открытым иллюминатором которой привычно шипела вода.

«Томас, – думала она. – Томас. Томас».

«Кого звали Клотильдой?» – как-то спросила она.

«Королеву Франции. И еще женщину, которую я знал, когда был мальчишкой. У вас кожа пахнет одинаково».

Джин не было на яхте, державшей курс к французскому берегу. Она сидела в саду при отеле и смотрела, как ее дочь играет с молоденькой няней, которую Рудольф нанял ухаживать за ребенком, пока она, Джин, как выразился Рудольф, не придет в состояние, позволяющее ей самой заниматься Инид. «Когда это будет? – спрашивала себя Джин. – Через два дня, через десять лет, а может, и никогда?»

Она была в брюках и свитере. Подходящего платья у нее с собой не оказалось, и Рудольф облегченно вздохнул, когда она сказала, что не поедет на похороны. А она даже представить

себе не могла, как снова ступит на борт «Клотильды» и выдержит осуждающие взгляды жены, сына и близкого друга убитого.

Утром она посмотрела на себя в зеркало и была потрясена, увидев, как изменилось за последние несколько дней ее хорошенькое девичье личико.

Казалось, вся ее кожа натянута до предела, словно на каком-то невидимом барабане, и вот-вот лопнет, а нервы обнажатся и начнут сыпать искрами и рваться, как электрические провода.

Доктор дал ей валиум, но валиум уже давно не помогал. Если бы не ребенок, она бы влезла на скалу и бросилась в море.

И, сидя на скамье в тени деревьев, где пряно пахло хвоей и нагретой солнцем лавандой, она сказала себе: «Я разрушаю все, к чему прикасаюсь».

Хаббел сидел в кафе на центральной площади и размышлял над тем, что узнал от начальника полиции. Разумеется, начальник рассказал далеко не все, что знал, но на полную откровенность рассчитывать не приходится, особенно когда полиция имеет дело с запутанным убийством. «Невестка погибшего сумеет рассказать вам гораздо больше меня», – сказал начальник. Невестка. Голая жена многообещающего молодого мэра. Ей-то наверняка найдется место в журнале. А гавань пока подождет.

Он расплатился за кофе, подошел к стоянке такси, сел в машину и велел ехать в отель «Дю Кап».

– Мадам Джордах в номере нет, – сказал портье. Он видел, что она вышла в сад вместе с ребенком и няней. Хаббел спросил, есть ли в отеле телекс, и узнал, что есть.

– Нельзя ли попозже им воспользоваться? – спросил он, на что портье после минутного замешательства ответил, что можно. Его замешательство Хаббел справедливо истолковал как нежелание оказать услугу бесплатно.

«Ничего, заплатим, «Тайм» от этого не обеднеет». Он поблагодарил портье и пошел на террасу, откуда был выход к длинной аллее, ведущей через сад к пляжу и ресторану. Вспомнив комнату в небольшой шумной гостинице на шоссе, где сейчас отдыхала его жена, он испытал укол зависти. «Тайм» платил неплохо, но на отель «Дю Кап» этих денег не хватало.

Он спустился по ступенькам в благоухающий сад и сразу же увидел маленькую девочку в белом купальном костюме, которая перебрасывалась большим цветным мячом с какой-то девицей. А поодаль на скамье сидела женщина в брюках и свитере. Подобная идиллия плохо вязалась с убийством.

Остановившись на секунду будто полюбоваться клумбой с цветами, он медленно приблизился к ним и улыбнулся ребенку.

– Bonjour, – сказал он. – Добрый день!

– Bonjour, – ответила девочка, но женщина на скамье промолчала.

Хаббел заметил, что она прехорошенькая, с отличной спортивной фигурой, но лицо у нее заплаканное и бледное, а под глазами темнеют круги.

– Миссис Джордах? – обратился он к ней.

– Да? – Глухой и равнодушный голос, тупой взгляд.

– Я из журнала «Тайм». – Он предпочитал говорить правду и не стал прикидываться приятелем ее мужа или убитого, а то и просто американским туристом, который, услышав про их беду, пожелал по-американски откровенно выразить ей свое участие. Пусть этими фокусами занимаются, расталкивая друг друга локтями, начинающие репортеры. – Меня прислали написать статью о вашем девере. – Тоже, разумеется, ложь, но, согласно его кодексу чести, позволительная. Если работа поручена, люди часто считают себя обязанными хоть чем-нибудь да помочь.

Женщина молча смотрела на него потухшими глазами.

– Начальник полиции сказал, что вы можете сообщить мне кое-какие подробности о случившемся. Дать, так сказать, закулисную информацию.

Слово «закулисная» таило в себе некий туманный намек на то, что информация эта ни в коем случае не будет опубликована, что она нужна лишь для того, чтобы помочь достойному всяческого доверия журналисту избежать ошибок при написании статьи.

– Вы беседовали с моим мужем? – спросила Джин.

– Я еще не имел чести с ним познакомиться.

– «Не имел чести познакомиться», – повторила Джин. – Хорошо бы и мне в свое время не иметь такой чести. И он, держу пари, думает точно так же.

От того, с какой яростью это было произнесено, Хаббел растерялся не меньше, чем от смысла сказанного.

– В полиции вам объяснили, почему именно я могу дать эти сведения? – хриплым голосом резко спросила женщина.

– Нет, – снова солгал Хаббел.

Джин вдруг встала.

– Тогда расспросите моего мужа, расспросите всю его чертову семейку! Только оставьте меня в покое.

– Позвольте задать вам один лишь вопрос, миссис Джордах, – сказал Хаббел. В горле у него застрял комок. – Вы намерены привлечь к судебной ответственности человека, который напал на вас?

– А что от этого изменится? – тупо спросила она и тяжело опустила на скамью, не сводя глаз с ребенка, бегавшего за мячом по залитой солнцем поляне. – Уходите. Прошу вас, уходите.

Хаббел вылез из такси и вошел на территорию порта. «Не очень-то подходящее место для смерти», – подумал он, направляясь в контору начальника порта, чтобы узнать, у какого причала швартуется «Клотильда». Начальник порта, выдавший виды старик с трубкой в зубах, нежился в лучах послеполуденного солнца.

Он показал трубкой на медленно входившую в порт белую яхту:

– Вот она. Придется ей некоторое время постоять. Поврежден гребной винт и вал. Вы американец?

– Да.

– Жуть что случилось, а?

– Да, – согласился Хаббел.

– Его прах только что высыпали в море, – объяснил начальник. – Недурное место для погребения моряка! Сам бы не возражал, чтоб меня похоронили в море. – Даже в разгар сезона начальник порта не спешил закончить беседу.

Поблагодарив его, Хаббел обошел территорию порта и уселся на опрокинутую плоскодонку возле того причала, куда входила «Клотильда». На корме стояли две фигуры в черном, позади них трепетал на ветру американский флаг. На носу колдовал над цепью приземистый мускулистый человек, а рослый светловолосый юноша крутил в рубке рулевое колесо, и судно кормой медленно приближалось к причалу. Как только затих стук двигателя, юноша, выбежав на корму, бросил канат матросу на берегу, а приземистый тоже выскочил на корму, ловко спрыгнул на причал и поймал брошенный ему юношей второй канат. Когда яхта была надежно привязана, приземистый одним прыжком вновь оказался на палубе, где они с юношей без единого слова умело и проворно установили сходни. Двое в черном, чтобы не мешать, ушли с кормы.

Понаблюдав за такой кипучей деятельностью, чувствуя себя неуклюжим и тяжеловесным, Хаббел поднялся с плоскодонки и зашагал вверх по сходням. Юноша, насупясь, смотрел на него.

- Мне хотелось бы поговорить с мистером Джордахом, – сказал Хаббел.
- Я Джордах, – ответил парень. У него был по-взрослому низкий голос.
- По-моему, мне нужен вон тот джентльмен, – возразил Хаббел, указывая на Рудольфа.
- Слушаю. – Рудольф подошел к сходням.
- Мистер Рудольф Джордах?
- Да. – Сказал как отрезал.
- Я из журнала «Тайм»... – Хаббел увидел, что лицо его собеседника застыло. – Я очень сожалею о случившемся...

– Да? – нетерпеливо и вопрошающе.

– Не хотелось бы обращаться к вам в такую минуту, но... – Хаббел почувствовал себя неловко из-за того, что приходилось разговаривать на расстоянии да еще пробиваясь сквозь невидимую стену явной неприязни со стороны юноши, а теперь к тому же и мужчины. – Но не позволите ли вы мне задать вам несколько вопросов относительно...

– Поговорите с начальником полиции. Это дело в его ведении.

– Я уже разговаривал с ним.

– Значит, вам известно столько же, сколько и мне, сэр, – сказал Рудольф и ушел. На лице юноши играла холодная улыбка.

Хаббел постоял еще с минуту, раздумывая, не ошибся ли он когда-то в выборе профессии, затем, пробормотав в пространство «извините», ибо не был способен на большее, повернулся и пошел к выходу из порта.

Когда он возвратился к себе в гостиницу, его жена, сидя на балконе, усердно загорала. Он ее очень любил, но не мог не заметить, как нелепо она выглядит в бикини.

– Где ты был весь день? – спросила она.

– Собирал материал для статьи.

– А я-то надеялась, что ты наконец отдохнешь, – вздохнула она.

– Я тоже, – сказал он, вынул портативную пишущую машинку и, сняв пиджак, принялся за работу.

2

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

Телеграмма от матери пришла на войсковое почтовое отделение. «Погиб дядя Том, – говорилось в телеграмме. – Постарайся приехать в Антиб на похороны. Мы с дядей Рудольфом остановились в отеле «Дю Кап». Целую. Мама».

Дядю Тома я видел один раз в жизни, когда еще мальчишкой прилетел из Калифорнии в Уитби на похороны бабушки. Похороны, оказывается, очень способствуют знакомству с родственниками. Жаль, что дядя Том погиб. В ту ночь, что нам довелось провести вместе в доме дяди Рудольфа, он мне понравился. На меня произвело большое впечатление, что у него был при себе пистолет. Он, думая, что я сплю, вынул пистолет из кармана и положил в ящик ночного столика, чем дал мне пищу для размышлений во время похорон на следующий день.

Если уж моему дяде суждено было погибнуть, то я предпочел бы, чтобы погиб Рудольф. Во-первых, мы с ним никогда не дружили, а как только я стал старше, он вежливо дал мне понять, что не одобряет ни моего поведения, ни моих взглядов на общество, которые, между прочим, с той поры не очень-то изменились. «Выкристаллизовались», – сказал бы мой дядюшка, если бы дал себе труд их изучить. Во-вторых, он богат и, вполне возможно, не забыл бы про меня в своем завещании, если и не по причине особой привязанности ко мне, то из братской любви к моей матери. Что же касается Томаса Джордаха, то, судя по всему, он не из тех, от кого после смерти остается состояние.

Я показал телеграмму полковнику, и он разрешил мне поехать на десять дней в Антиб. В Антиб я не поехал, но послал телеграмму, в которой выразил свое соболезнование и сообщил, что на похороны меня не отпускают.

– К сожалению, нам пора побеседовать о том, о чем мы пока избегали говорить, – сказал Рудольф. – О наследстве. Как ни тягостны разговоры о деньгах, надо решить, что делать дальше.

Они все собрались в кают-компании «Клотильды». На Кейт было темное платье, явно старое и теперь тесное, у ног ее стоял потрепанный чемодан из искусственной кожи. Стены кают-компании были выкрашены в белый цвет с голубой каймой, иллюминаторы прикрыты голубыми занавесками, а на переборках висели старинные гравюры с изображением парусников – Томас купил их в Венеции. Все не сводило глаз с чемодана, но никто не проронил о нем ни слова.

– Кейт, Кролик, – обратился к ним Рудольф, – вы не знаете, Том оставил завещание?

– Мне он об этом ничего не говорил, – ответила Кейт.

– И мне тоже, – сказал Дуайер.

– А тебе, Уэсли?

Уэсли молча покачал головой.

Рудольф вздохнул: Том до конца остался верен себе. Семейный человек, сын, беременная жена – и не удосужился составить завещание. Он, Рудольф, первое свое завещание отнес в адвокатскую контору двадцати одного года от роду и с тех пор переписывал его раз пять-шесть, в последний раз – когда родилась Инид. А теперь, поскольку Джин все больше и больше времени проводит в клиниках, лечась от алкоголизма, он обдумывает новый вариант.

– А сейфа в банке он не арендовал?

– Я об этом не слышала, – отозвалась Кейт.

– А вы, Кролик?

– Точно – нет.

– У него были ценные бумаги?

Кейт и Дуайер недоуменно переглянулись.

– Ценные бумаги? – переспросил Дуайер. – А что это такое?

– Акции, облигации. – На каком свете живут эти люди?

– А! – отозвался Дуайер. – Том считал это одним из способов обманывать трудовой люд. – «Пусть такими делами занимается мой паразит братец», – добавлял он, но было это еще до того, как в семье воцарился мир.

– Значит, ценных бумаг тоже нет, – подытожил Рудольф. – Тогда куда же он девал деньги? – Он старался не показывать своего раздражения.

– У него были вклады в двух банках, – ответила Кейт. – Здесь, в Антибе, на обычном вкладе – франки, а в Женеве на срочном вкладе – доллары. Он предпочитал, чтобы ему платили в долларах. Правда, поскольку мы жили во Франции, он не имел права открывать счет в Швейцарии, но беспокоиться об этом не стоит. Никто этим никогда не интересовался.

– Понятно, – кивнул Рудольф. Оказывается, его брат был не совсем лишен практической сметки.

– Сберегательную и чековую книжки и последние отчеты из местного банка вы найдете в ящике под его койкой, – сказала Кейт. – Уэсли, сходи, пожалуйста...

Уэсли вышел из кают-компания.

– Кролик, – обратился Рудольф к Дуайеру, – скажите, как Томас вам платил?

– А он мне не платил, – ответил Дуайер. – Мы были партнерами и в конце года всю выручку делили пополам.

– Ваш договор, или соглашение, существовал на бумаге?

– Нет, – ответил Дуайер. – А зачем нужны были бумаги?

– Кому принадлежит яхта? Только ему или вам обоим? Или ему и Кейт?

– Мы поженились всего пять дней назад, Руди, – сказала Кейт. – Для серьезных дел у нас еще времени не было. «Клотильда» принадлежит Тому. Документы в том же ящике. Вместе со страховым полисом на судно и прочими бумагами.

– Я был у адвоката... – снова вздохнул Рудольф.

«Еще бы», – думала Гретхен. Она стояла у двери, смотрела на палубу и размышляла над телеграммой от Билли. Телеграмма была краткой, сухой и почти официальной, словно ее послал вежливый, но совершенно посторонний человек. Она, конечно, плохо разбиралась в армейских порядках, но не сомневалась, что солдату положен отпуск на похороны. Она звала Билли и на свадьбу Тома с Кейт, но он ответил, что слишком занят организацией передвижения армейских и штабных машин по дорогам Бельгии к Армагеддону, чтобы танцевать на свадьбах полузабытых родственников. Она тоже, наверное, пришла ей в голову горькая мысль, входит в число этих полузабытых родственников. «Ладно, пусть веселится в Брюсселе. Достойный сын своего отца». И попыталась снова сосредоточить внимание на брате, терпеливо старавшемся распутать клубок людских судеб: «Еще бы, конечно, Руди тут же побежал к адвокату. Смерть – это уже по части законников».

– ...у французского адвоката, – продолжал Рудольф, – который, к счастью, хорошо говорит по-английски. Мне рекомендовал его управляющий нашего отеля. Адвокат разъяснил мне, что хотя вы все живете во Франции, тем не менее, поскольку ваш дом на воде, а не на суше – согласно французскому праву, плавающее под американским флагом судно является территорией Америки, – то лучше всего обратиться к американскому консулу в Ницце. Есть ли на этот счет возражения?

– Действуйте, как находите нужным, Рудольф, – откликнулась Кейт.

– Я тоже на все согласен, – сказал Дуайер. Голос у него был тоскливый, как у мальчишки, которого вызвали к доске решать задачу в ту минуту, когда за окном идет игра в бейсбол.

– Сегодня же постараюсь поговорить с консулом, – пообещал Рудольф. – Посмотрим, что он посоветует.

Вошел Уэсли, принес сберегательную и чековую книжки и банковские отчеты за последние три месяца.

– Можно мне взглянуть? – спросил Рудольф у Кейт.

– Вы его брат.

«Вечно люди стараются переложить всю ответственность на Руди», – подумала Гретхен. Рудольф взял у Уэсли книжки и бумаги. Проглядел баланс местного банка. На счету оставалось немногим более десяти тысяч франков. «Около двух тысяч долларов», – пересчитал Рудольф. Потом открыл сберегательную книжку.

– Одиннадцать тысяч шестьсот двадцать два доллара, – объявил он. Его удивило, что Томас сумел накопить такую сумму.

– Больше я ни о чем не знаю, – сказала Кейт. – По-моему, это все его, так сказать, состояние.

– И еще яхта, – напомнил Рудольф. – Что будем делать с ней?

На минуту в каюте воцарилось молчание.

– Что касается меня, – мягко и спокойно отозвалась Кейт, поднимаясь с места, – то я, например, знаю, что буду делать. Я уйду с яхты. Сейчас же. – Она одернула подол старого, тесного платья, стараясь прикрыть пухлые, в ямках, загорелые колени.

– Подождите, Кейт, – запротестовал Рудольф, – мы должны что-то решить.

– Я заранее согласна со всем, что решите вы, – сказала Кейт. – Но оставаться на яхте еще одну ночь не намерена.

«Милая простая женщина, которая крепко стоит на земле обеими ногами, – думала Гретхен. – Навечно распрощалась с мужем и уходит, не желая извлекать пользу из яхты, которая служила ей кровом, кормила и поила ее, стала местом, где она обрела свое счастье».

– Куда вы уходите? – спросил Рудольф.

– Для начала в гостиницу, – ответила Кейт. – А там будет видно. Уэсли, помоги мне, пожалуйста, донести чемодан до такси.

Уэсли молча взял чемодан.

– Я позвоню вам из гостиницы, Руди, как только буду в силах разговаривать, – сказала Кейт. – Спасибо за все. Вы человек хороший. – Она поцеловала его в щеку – безмолвный жест благодарности и прощения одновременно – и вслед за Уэсли прошла мимо Гретхен и вышла из кают-компаний.

Рудольф опустился на стул и устало потер глаза. Гретхен подошла к нему и ласково тронула его за плечо. Ласка, давно знала она, не исключает ни осуждения, ни даже презрения.

– Не расстраивайся так, Руди, – сказала она. – За один день чужую судьбу не решишь.

– Я говорил с Уэсли, – раздался голос Дуайера. – Кейт предупредила его, что уезжает. Он хочет остаться со мной на «Клотильде». На первое время по крайней мере. Хотя бы до тех пор, пока мы не приведем в порядок гребной вал и винт. Я за ним присмотрю, не беспокойтесь.

– Пусть остается, – согласился Рудольф. Он встал, чуть ссутулившись, словно взвалил себе на плечи тяжелую ношу. – Уже поздно. Попробую-ка я добраться до Ниццы, пока в консульстве еще работают. Тебя довезти до отеля, Гретхен?

– Нет, спасибо, – отказалась Гретхен. – Я еще немного побуду здесь, мы с Кроликом выпьем. Может, и не по стаканчику, а по два. – Не стоит в такой день оставлять Дуайера одного.

– Как угодно, – отозвался Рудольф. Он положил чековую и сберегательную книжки на стол. – Если увидишь Джин, скажи ей, что я не вернусь к ужину.

– Хорошо, – пообещала Гретхен.

«Разговаривать с Джин Джордах в такой день тоже не стоит», – подумала она.

– Посидим лучше на палубе, – предложила Гретхен Дуайеру, когда Рудольф ушел. Кают-компания, еще недавно казавшаяся уютной, вдруг обернулась зловещей бухгалтерией, где человеческие судьбы были занесены в гроссбухи, где живые люди превратились в цифры, в кредит и дебет.

Ей уже довелось пережить нечто подобное. Когда в автомобильной катастрофе погиб ее муж, завещания тоже не нашли. Вполне возможно, что Колин Берк, который за всю свою жизнь никого не ударил, жил в окружении книг, пьес и сценариев, был вежлив и тактичен в общении со сценаристами и актерами, с которыми ему приходилось работать и которых он часто ненавидел лютой ненавистью, – вполне возможно, что он имел гораздо больше общего с ее полуграмотным и не знавшим управы братом, чем на первый взгляд могло показаться. А поскольку завещания не было, то, когда начали делить оставленное Колином наследство, возникла неразбериха. Появилась бывшая жена, получавшая до той поры алименты, выяснилось, что на дом существует закладная, под гонорар взят аванс. Вмешались адвокаты, на банковский счет наложили арест. И вот тогда, как и сейчас и как всегда, все уладил Руди.

– Пойду налью, – сказал Дуайер. – Спасибо, что не ушли. Очень уж трудно оставаться одному после всего, что нам с Томом довелось пережить. А теперь нет и Кейт. Говорят, от женщины на судне одна беда. В особенности когда мужчины столько лет были друзьями и партнерами. Ан нет, только не от Кейт. – У Дуайера чуть заметно дрожали губы. – Наша Кейт – человек что надо, верно?

– Лучше не бывает, – отозвалась Гретхен. – Налейте мне чего-нибудь покрепче, Кролик.

– Виски?

– И побольше льда, пожалуйста. – Она прошла вперед, туда, где за кают-компанией и рулевой рубкой их не было видно с набережной. Ей уже порядком надоели скорбные физиономии портовых приятелей Тома, Дуайера и Кейт, которые считали своим долгом подняться к ним на борт и выразить соболезнование. Эти люди были искренне огорчены. В собственном же огорчении она, по правде говоря, сомневалась.

На носу, где медь была начищена до блеска, палуба из тикового дерева отмыта добела, а канаты сложены аккуратно, ей открылась привычная картина, заворожившая ее еще в тот первый день: гавань, лес мачт, тысячи людей – каждый неторопливо и добросовестно занимается своим делом, одним из тех, что составляют круг повседневных обязанностей человека, который не представляет себе жизни без моря. Даже теперь, после всего, что случилось, она не могла налюбоваться спокойной красотой этого зрелища.

Сзади, бесшумно ступая босыми ногами, подошел Дуайер. В руках он держал два стакана. Один стакан он протянул ей. Хмуро улынувшись, она подняла стакан, словно провозглашая тост. Весь день она ничего не пила и не ела, и сейчас от первого глотка у нее зашипало язык.

– Я обычно пью что-нибудь полегче, – сказал Дуайер, – но, может, действительно сейчас лучше всего виски. – Он делал маленькие глотки, привыкая к новому вкусу. – Я хотел сказать вам, – продолжал он, – что ваш брат Руди – человек необыкновенный. Видать, за что ни возьмется, обязательно доведет до конца.

– Пожалуй, – согласилась Гретхен. – Подобная характеристика тоже имеет основание.

– Без него мы бы совсем увязли...

«Ни в чем бы мы не увязли, – подумала Гретхен, – если бы Руди давал жене меньше воли и сидел бы с ней в другом полушарии».

– Без него нас обвели бы вокруг пальца, – настаивал Дуайер.

– Кто?

– Законники, – неопределенно ответил Дуайер. – Судовые маклеры, адвокаты. Все, кому не лень.

«Вот человек, – думала Гретхен, – который, когда в море разыгрывается шторм, несет свои обязанности, не ведая страха даже на исходе сил; он сумел выжить в обществе жестоких

и буйных людей, но при виде клочка бумаги, при упоминании о власти имущих на суше чувствует себя совершенно беспомощным, словно явился с другой планеты». Сама Гретхен всю свою сознательную жизнь провела среди людей, которые имели дело с бумагами и в конторах чувствовали себя так же уверенно и твердо, как индеец в лесу. А ее покойный брат, по-видимому, с самого рождения тоже принадлежал к инопланетянам.

– Меня беспокоит только Уэсли, – сказал Дуайер.

«Не собственная судьба, – думала она, – беспокоит этого человека, который не понимает, зачем должен существовать договор на бумаге, когда можно просто разделить все поровну, и который даже не имеет права стоять сейчас на этой отмытой добела палубе красивой яхты, где он трудился много лет».

– Пусть Уэсли вас не волнует, – сказала она. – Руди о нем позаботится.

– А может, Уэсли не захочет? – спросил Дуайер, делая очередной глоток. – Он мечтает быть таким, как его отец. Порой, когда смотришь на него, становится просто смешно – так он старается подражать походке отца, его речи, манерам. – Он отхлебнул побольше, вздохнул и продолжал: – По ночам, в море мы или в порту, они забирались в рубку и беседовали. Уэсли задавал вопросы, а Том не спеша, обстоятельно отвечал. Один раз я спросил у Тома, о чем они так подолгу беседуют. Том засмеялся: «Парень выпрашивает у меня про мою жизнь, а я рассказываю. Наверное, хочет наверстать те годы, когда некого было расспрашивать. Старается понять, что я собой представляю. Я тоже когда-то интересовался своим отцом, только вместо ответа получил пинок в зад». Из слов Тома, – сдержанно добавил Дуайер, – я понял, что между ним и вашим отцом большой любви не было, а?

– Пожалуй, – согласилась Гретхен. – Он был не очень ласковый человек, наш отец. И не умел любить. Если и была в нем любовь, то лишь к Рудольфу.

– Ох уж эти семьи! – вздохнул Дуайер.

– Да, семьи, – повторила Гретхен.

– Я спросил у Тома, какие же вопросы задает ему Уэсли, – продолжал Дуайер. – «Обычные, – сказал мне Том. – Каким я был в детстве? Что представляли собой мои брат и сестра?» То есть вы и Руди. «Как я стал боксером, а потом матросом в торговом флоте? Когда впервые переспал с девицей? Что собой представляли другие женщины, с которыми я имел дело, в том числе и его чертова мамаша...» Я спросил у Тома, говорит ли он парню правду. «Только одну правду, – ответил Том. – Я современный отец. Рассказываю, откуда берутся дети, и все такое прочее». Он был не без юмора, наш Том.

– Могу себе представить, – усмехнулась Гретхен.

– «Скроешь правду – испортишь ребенка», – как-то сказал мне Том. Порой он вдруг говорил так, будто когда-то чему-то учился. Хотя на самом деле был человеком невежественным и к образованию относился с большим недоверием. Может, мне не следовало бы говорить вам об этом, – сумрачно добавил Дуайер, встряхивая остатки льда в стакане, – но он обычно приводил в пример вашего брата Руди. «Посмотри на Руди, – говорил он. – Он получил все образование, какое способен впитать в себя человеческий мозг, а чем закончил? Выжат как лимон, стал посмешищем в своем городе после того, что выкинула его пьяная жена, а теперь сидит и не знает, как провести остаток жизни».

– Я, пожалуй, выпью еще, – сказала Гретхен.

– Я тоже, – отозвался Дуайер. – Виски начинает мне нравиться. – Он взял у нее стакан и пошел на корму в кают-компанию.

Гретхен задумалась над услышанным. Оно больше говорило о самом Дуайере, чем о Томе или Уэсли. Вся его жизнь, по-видимому, была связана с Томом. Он, наверное, сумел бы слово в слово повторить все, что Том ему говорил с начала и до конца их знакомства. Будь Дуайер женщиной, можно было бы предположить, что он влюблен в Тома. Бедный Дуайер, ему, вероятно, суждено горевать больше всех. Судьба Уэсли, по правде говоря, ее не очень беспокоила.

Когда она впервые поднялась на борт яхты, он показался ей здоровым юношей, умеющим себя прилично вести, и только. После смерти отца он замкнулся, искал уединения, а лицо у него сделалось непроницаемым. Руди позаботится о нем, сказала она Дуайеру. Но теперь она была не очень-то уверена, что Руди или кто-либо другой способен это сделать.

Вернулся Дуайер. Выпитое виски давало себя знать. Чуть кружилась голова, все заботы куда-то отодвинулись. Такое состояние куда приятней, чем те ощущения, которые владели ею в последнее время. Может, Джин со своими припрятанными бутылками не так уж и глупа. И Гретхен с наслаждением отпила из вновь наполненного стакана.

А вот Дуайер выглядел, наоборот, озабоченным. Он стоял, прислонившись к поручням, и, словно решая какую-то трудную проблему, возникшую перед ним в кают-компании, пока он наполнял стаканы, терзал нижнюю губу торчащими вперед зубами.

– Может, мне не следовало бы говорить это вам, миссис Берк...

– Просто Гретхен.

– Спасибо, мэм. Но мне кажется, что с вами можно быть откровенным. Руди – прекрасный человек. Я восхищаюсь им, в нашей ситуации лучшего друга не пожелаешь... но он не из тех, с кем можно поговорить. Поговорить по-настоящему. Вы меня понимаете?

– Да, – ответила она, – понимаю.

– Он прекрасный человек, как я уже сказал, – неловко продолжал Дуайер. Рот у него дергался. – Но он не такой, как Том.

– Не такой, – согласилась Гретхен.

– Уэсли говорил со мной. Он не желает иметь ничего общего с Руди. И с его женой. Что, принимая во внимание случившееся, вполне естественно для простого смертного, правда?

– Пожалуй, – подтвердила Гретхен. – Принимая во внимание случившееся.

– Если Руди начнет нажимать на парня – с самыми лучшими намерениями, не сомневаюсь, – будет беда. Большая беда. Трудно даже сказать, на что парень способен.

– Верно, – согласилась Гретхен. Раньше ей это и в голову не приходило, но, услышав слова Дуайера, она тотчас поняла, что он прав. – Но что можно сделать? Кейт ему не мать, да у нее и своих забот хватает. Остаетесь только вы.

– Я? – грустно усмехнулся Дуайер. – Я не знаю, где буду завтра. Единственное, в чем я разбираюсь, – это в судах. И потому на следующей неделе могу очутиться в Сингапуре. А через месяц – в Вальпараисо. Какой из меня отец...

– Что же вы предлагаете?

– Я внимательно наблюдал за вами, – сказал Дуайер, – хотя вы и проявили ко мне не больше интереса, чем к неодушевленному предмету...

– Перестаньте, Кролик, – смутилась Гретхен, потому что почти такая же мысль пришла ей в голову несколько минут назад.

– Я не обижаюсь на вас и не собираюсь делать из этого никаких выводов, мэм...

– Гретхен, – механически поправила она.

– Гретхен, – послушно повторил он. – Но после того, как все это случилось... и теперь, когда вы остались со мной и позволили мне трепать языком... я увидел, что вы человек настоящий. Я не хочу сказать, что Руди не человек, – поспешно добавил Дуайер, – просто он не из тех, кого Уэсли считает людьми. А его жена... – Дуайер замолчал.

– Не будем говорить про его жену.

– Если бы вы подошли к Уэсли и прямо и честно сказали ему: «Поедем со мной», он бы согласился. Он понял бы, что вы такая женщина, которая может заменить ему мать.

«Это что-то новое, – подумала Гретхен, – сыновья выбирают матерей. Неужели эволюция никогда не завершится?»

– Вот меня-то уж никак нельзя считать образцовой матерью, – сухо сказала она. Мысль об ответственности за этого долговязого угрюмого подростка, унаследовавшего, конечно, необузданный нрав Тома, напугала ее. – Нет, Кролик, боюсь, из этого ничего не выйдет.

– А я-то надеялся, – сразу остыв, сказал Дуайер. – Уж очень мне не хотелось оставлять Уэсли без призора. Что бы он сам про себя ни думал, а, по правде говоря, он еще совсем ребенок и один жить не может. Уэсли Джордаху суждено пережить еще немало треволнений.

Она не могла не улыбнуться слову «треволнений».

– Пинки Кимболл, механик с «Беги», – продолжал Дуайер, – тот самый, который встретил миссис Джордах с югославом в ночном баре, сказал мне, что Уэсли прямо преследует его. Просит помочь найти этого югослава... Я, может, ошибаюсь, но мне кажется, и Пинки со мной согласен, что Уэсли задумал отомстить за смерть отца.

– О Господи! – вырвалось у Гретхен.

– Когда смотришь на все это, – и Дуайер решительным жестом обвел притихшую гавань, зеленые холмы, старую крепость с ее полуразвалившимися живописными стенами, – то невольно думаешь о том, какие здесь царят мир и благодать. А на самом деле в этих краях, от Ниццы до Марселя, не меньше убийц, чем в любом другом месте на земном шаре. Из-за проституток, наркоманов и казино с рулеткой здесь такая стрельба и поножовщина, что деваться некуда, да и молодчиков, готовых за десять тысяч франков или просто так прикончить родную мамашу, тоже хватает. Со слов Пинки Кимболла я понял, что этот малый, с которым Томас подрался, тоже из их числа. Вдруг Уэсли начнет его разыскивать, и когда найдет, то нетрудно угадать, чем это закончится. В той военной школе, где Уэсли учился, его приходилось силой отдирать от других ребят. Нет, это была не тренировка – не будь рядом взрослых, он бы всех поубивал. Раз он просит Пинки Кимболла показать ему этого югослава, значит, хочет его убить.

– О Господи! – повторила Гретхен. – К чему вы это говорите, Кролик?

– К тому, что в любом случае парня из Франции надо увезти. А Рудольф Джордах не тот человек, который сумеет это сделать. Вот я и окосел, – объявил он. – А то не болтал бы об этом. Но я говорю всерьез. Пьяный или трезвый, а я от своих слов не отказываюсь.

– Спасибо за откровенность, Кролик, – сказала Гретхен. Она уже жалела, что осталась с ним на яхте. Не ее это проблема, возмущалась она, да ей тут и не решать ничего. – Я поговорю с братом, – добавила она. – Может, что-нибудь и придумаем. Как вы считаете, подождать мне сейчас Уэсли, чтобы мы поужинали все троим?

– Разрешите ответить откровенно?

– Разумеется.

– По-моему, вы Уэсли нравитесь. По правде говоря, я знаю, что нравитесь, он мне сам говорил. Но сегодня ему, наверное, не хочется быть в компании ни с кем из Джордахов. Лучше мы с ним вдвоем куда-нибудь сходим. Нам есть о чем поговорить.

Она никак не решалась поставить стакан. У нее было такое чувство, что стоит ей уйти, как Дуайер не выдержит и, сев на палубу, расплачется. Ей не хотелось, чтобы Уэсли, вернувшись, застал его в слезах.

– Сейчас допью и...

– Хотите еще? Я пойду налью.

– Спасибо, хватит.

– Итак, я начал пить виски, – заявил Дуайер. – Как вам это нравится? – Он затряс головой. – Вы верите в сны? – вдруг спросил он.

– Иногда. – Интересно, слышал ли Дуайер про Фрейда?

– Вчера ночью мне приснилось, – сказал Дуайер, – что Том лежит на полу – не помню, где это было, – неподвижно, как мертвый. Я поднял его и решил куда-нибудь отнести. На руках я его тащить не мог, поэтому взвалил на спину. А так как он был гораздо выше меня ростом, ноги его волочились по земле. Я скрестил его руки у себя на груди, ухватился за них и пошел.

Он был жутко тяжелый, я был весь в поту, но шел, потому что обязан был его отнести. – И Дуайер заплакал. – Извините меня, миссис Берк.

На этот раз она не поправила его, не сказала, чтобы он называл ее просто Гретхен.

Она протянула ему руку. Он крепко схватил ее своими сильными пальцами, быстрым безотчетным движением поднес к губам и поцеловал. Потом опустил руку и отвернулся.

– Извините... Я не хотел...

– Не нужно ничего объяснять, Кролик, – ласково сказала она. – Время само залечит раны. – Она была в замешательстве, не знала, как утешить его.

Рука, в которой она все еще держала стакан с виски, заледенела. Гретхен поставила стакан.

– Мне пора, – сказала она. – Еще многое предстоит решить. Передайте Уэсли, если ему что-нибудь понадобится, пусть звонит мне.

– Передам, – пообещал Дуайер. Он не смотрел на нее. Губы у него дрожали, а глаза были обращены в гавань. – Вызвать вам такси?

– Нет, спасибо. Я лучше пройдуся. – Она ушла, а он, босой, в белоснежном свитере, еще долго стоял на носу «Клотильды» с двумя пустыми стаканами в руках.

По узкой улочке, уже погруженной в неприветливый мрак, она медленно поднималась от порта в центр города. Взглянула на витрину антикварной лавки. Ее внимание привлек медный корабельный фонарь. Хорошо бы купить его, привезти домой и повесить где-нибудь в углу. Но тут она вспомнила, что у нее нет своего дома, а есть лишь снятая на полгода квартира в Нью-Йорке, и фонарь-то ей повесить негде.

Она шла по городу, кругом люди что-то покупали и продавали, читали газеты за столиками в кафе, бранили детей, а потом угощали их мороженым, и никому не было дела до смерти. Ей попалась на глаза афиша кинотеатра, из которой она узнала, что вечером здесь идет американский фильм, дублированный на французский. Она решила поужинать в городе, а потом пойти в кино.

Она прошла мимо собора, остановилась полюбоваться им и чуть было не зашла внутрь. А если бы зашла, то увидела бы, что на скамье в глубине пустого зала сидит Уэсли и шепчет слова молитвы, которые так и не выучил в школе.

3

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

Моему отцу довелось побывать в Париже сразу после войны, когда его выпустили из госпиталя. Еще до встречи с матерью. Ничего не помнит. Говорит, все три дня был так пьян, что не отличил бы Парижа от Дейтона, штат Огайо. Отец не любит рассказывать про войну, что весьма выгодно отличает его от других ветеранов, с которыми меня сталкивала судьба. Но порой в те субботы и воскресенья, что мне пришлось провести с ним согласно условиям развода, он здорово напивался – обычно с утра – и начинал иронизировать по поводу своей службы в армии. Утверждал, что его интересовали только девицы из Красного Креста да собственная безопасность, а в воздушном флоте он, мол, служил и летал на военных самолетах лишь для того, чтобы добывать для американских газет материал про наших храбрых парней.

Однако в армию он пошел добровольцем и, возвращаясь с боевого задания, был в самом деле не то ранен, не то контужен. Способен ли я на такое? Служба в армии, судя по тому, что я вижу сам и что пишут о Вьетнаме, – занятие мрачное. Правда, все говорят, что та война была не чета этой. При полковнике я держусь весьма воинственно, но, если в Европе и вправду вспыхнет война, я, наверное, при первом же выстреле дезертирую.

В НАТО полно немцев, все они прикидываются дружескими, держатся как товарищи по оружию и не очень отличаются от прочего зверья. Моника тоже немка, но о ней особый разговор.

Когда Рудольф вышел из здания консульства, уже почти стемнело. Консул оказался человеком любезным, вызвал помощника, слушал внимательно, даже что-то записывал, обещал сделать все возможное, но предупредил, что, во-первых, на это потребуется время, а во-вторых, он должен позвонить в Париж посольскому юрисконсульту, ибо не уверен, что адвокат из Антиба, посоветовавший Рудольфу не обращать внимания на французов, прав, поскольку для получения документов на передачу «Клотильды» новым владельцам и размораживание банковских счетов необходимо разрешение местных властей. «Смерть американца за границей всегда чревата кучей осложнений», – сказал консул, и в его тоне слышался намек на то, что человека, совершившего столь ответственный акт не в своей, а в чужой стране, можно считать чуть ли не предателем. «В тот же день, – подумал Рудольф, – сотни американцев погибли во Вьетнаме – это ведь тоже не своя, а чужая страна, но их смерть почему-то не была чревата для американских консулов кучей осложнений».

«Передача состояния Томаса Джордаха его наследникам будет делом нелегким, – предупредил консул. – За один день с ним не управиться». Рудольф вышел из консульства, чувствуя полную беспомощность. Он попал в густую паутину правовых положений и чем сильнее старался высвободиться, тем больше запутывался. «Опять я завяз в чужих бедах», – подумал он, и ему стало жаль себя.

«Что делали исконные жители Америки, – думал Рудольф, – когда в бою погибал вождь племени? Кому доставались жены, дети, вампум, вигвам, уборы из перьев, копья и стрелы? Кто из мудрецов – не воин, нет, а шаман или знахарь – брал на себя роль душеприказчика и толкователя воли покойного?»

Свою машину он оставил почти на берегу, перед входом в отель «Негреско» на Английском бульваре, чтобы не заблудиться на улицах незнакомого города, и в консульство поехал на такси. И сейчас шел по направлению к «Негреско», не ведая, где идет, не думая об этом

и не обращая внимания на спешивших домой людей. Внезапно он остановился. У него были мокрые щеки. Он провел рукой по глазам. Он плачет. Он даже не заметил, что плачет, пока шел наугад в сторону моря. «Господи, – подумал он, – надо же было лететь из Америки в Ниццу, чтобы заплакать», – между прочим, впервые с тех пор, как он перестал быть мальчишкой. Прохожие, по-видимому, не замечали его слез; удивленных взглядов не было. А может, французы привыкли видеть на улицах плачущих мужчин? Может, у них такая традиция – лить слезы? После всего, что Франции довелось пережить со времен Людовика Шестнадцатого, им есть о чем плакать.

Уже совсем стемнело, когда он наконец отыскал свою машину. Он прошел много переулков, поворачивал то налево, то направо. «Bella Nizza»³, – вспомнил он. Во время Второй мировой войны итальянцы вернули ее себе. Но ненадолго. И сейчас в итальянском Пентэгоне, наверное, вынашивается план захвата Ниццы в будущей драке. Добрые соседи! Нынче на полях сражений в ожидании новой войны сажают жасмин и розы. Бедные, но не утратившие надежд итальянские генералы! Стоит ли игра свеч? Стоит ли Ницца костей одного-единственного калабрийского крестьянина? Теперь это уже не Bella Nizza, а современный торговый центр с джунглями облупленных многоквартирных домов, с мусором, с оглушительной рок-музыкой, несущейся из дверей музыкальных магазинов, – город, повествующий о своем былом величии лишь в полных лжи буклетах для туристов. Все постепенно приходит в упадок.

На Английском бульваре горели фонари, отражаясь в крышах бесконечного потока машин и поблескивая на мелкой грязной волне, которая с тихим шепотом набегала на узкую полосу прибрежной гальки. В беседе с ним консул упомянул, что назначение в Ниццу считается у дипломатов удачей. Наверное, консулу известно о Ницце нечто такое, чего невооруженным глазом не умотришь. Конечно, если раньше он служил в Конго или в Вашингтоне, тогда Ницца должна казаться ему раем. А вдруг, подумал Рудольф, на пути от консульства к берегу навстречу ему прошел убийца Тома? Вполне возможно. В Ницце полиция то и дело хватает каких-то убийц. А как, например, он бы поступил, если бы в кафе сидящий рядом с ним человек, узнав его, спокойно сказал: «Bonjour, monsieur, может быть, вам небезынтересно будет узнать, что это сделал я?»

Он открыл дверцу, но не садился в машину, думая о вечере, который ему предстоит, если вернуться в Антиб. Сначала надо будет объяснить Джин, что им придется задержаться в этом страшном для них обоих месте, потом сказать Кейт, Уэсли и Дуайеру, что ничего еще не решено, все в подвешенном состоянии, а потому им остается только сидеть и ждать. Он захлопнул дверцу машины. Нет, он не в состоянии выдержать то, что ждет его в Антибе. Пусть Ницца ему не по душе, но лучше провести вечер здесь, чем там.

Одурманенный запахами выхлопных газов, которые, по свидетельству ученых его родины, смертельно опасны для человечества, он, осторожно лавируя между машинами, пересек Английский бульвар, вошел в кафе, сел за столик на террасе и заказал виски с содовой – испытанное временем средство, успокаивающее нервы и мгновенно разрешающее самые запутанные проблемы. Когда виски принесли, он принялся пить не спеша, радуясь, что рядом нет Джин, ибо при ней об этом нельзя и подумать. Иногда ему казалось, что и дышать в ее присутствии тоже нельзя. «Над этим придется поразмыслить», – решил он, делая очередной глоток.

И вдруг он почувствовал голод. Он с самого утра ничего не ел, да и утром-то только кофе с булочкой. Он расплатился за виски, дошел по набережной до «Негреско» и спросил у швейцара, где лучший в Ницце ресторан. А потом быстро зашагал в указанном направлении. Глаза у него были сухие.

В лучшем из ресторанов Ниццы горели свечи, на столиках рдели букеты роз, а из кухни доносился еле уловимый вкусный аромат. Посетителей было немного, но они производили

---

³ Красавица Ницца (*ит.*).

впечатление людей преуспевающих. В зале стояла тишина, царила атмосфера серьезности, старший официант, улыбочивый итальянец с ослепительными зубами, говорил по-английски. «Наверное, итальянский шпион, – решил Рудольф, – каждую ночь переходит границу, пряча за пазухой планы порта, которые микрофильмирует его сообщник».

Рудольф уселся за столик, накрытый белоснежной скатертью, разломил пополам хрустящую булочку и намазал маслом. Пожалуй, напрасно он решил, что этот город не стоит костей одного-единственного калабрийского крестьянина. Тем более что в Калабрии он никого не знает.

Когда принесли еду, выяснилось, что швейцар совершенно прав в оценке кухни этого ресторана. Рудольф неторопливо ел и пил, чувствуя, как с каждым куском, с каждой каплей в нем растут силы. Иногда два часа стоят целого месяца отдыха.

Покончив с клубникой, он попросил счет. Он был сыт, теперь ему захотелось пройтись, ни о чем не думая, в одиночестве посидеть в кафе, выпить кофе с коньяком. Он не поспешил на чаевые метрдотелю и официантам и неторопливо вышел. Вечерний воздух благоухал розами. Через несколько минут Рудольф очутился на берегу моря. Первое море, ставшее известным людям. Улисс переплыл его и остался в живых. Матросы привязали его к мачте, а себе заткнули воском уши, чтобы не слышать пения сирен. Много храбрецов спит на дне этого моря. Теперь среди них и Том. Рудольф стоял на выложенной камнем дорожке, а в нескольких шагах от него кружевной пеной омывала землю Франции легкая волна. Вечер был безлунный, но звезды светили ярко, и линию берега окаймляли гирлянды блестящих огоньков горевших в домах ламп.

Будь Рудольф мальчишкой, он пробежался бы по берегу, по самой его кромке, ловко увертываясь от набегающей под ноги волны. Но в его возрасте, да еще в темном костюме, вряд ли уместно привлекать к себе внимание гуляющих по набережной.

Он вернулся на бульвар, вошел в ярко освещенное кафе и сел так, чтобы видеть фланирующих по мостовой мужчин и женщин, которые, завершив рабочий день или выполнив свои туристские обязанности, теперь наслаждались теплым вечером, возможностью обменяться взглядами, не спеша пройтись по воздуху рука об руку с любимым или любимой.

Кафе было полупустым. Через столик женщина в голубом платье читала журнал, наклонив голову так, что ему не было видно ее лица. Когда он вошел, она подняла глаза, но тут же вновь принялась за чтение. Перед ней стоял бокал с белым вином. Он заметил, что у нее темные волосы и красивые ноги.

Он ощутил совсем иной голод.

«Осторожно, не порти себе вечер!»

Объясняясь с официантом по-английски, он заказал коньяк и кофе. Когда он заговорил, женщина снова подняла глаза. По ее лицу – или ему показалось? – пробежала улыбка. Уже не первой молодости, примерно его возраста, на вид ей лет тридцать семь – тридцать восемь, тщательно подкрашена, особенно глаза. Для проститутки старовата, но тем не менее не лишена привлекательности.

Официант принес ему кофе и коньяк вместе со счетом из кассы и вернулся к бару в глубине кафе. Рудольф отхлебнул крепкого черного кофе. Потом взял рюмку с коньяком и понюхал его. Едва он собрался сделать глоток, как женщина, словно чокаясь с ним, подняла свой бокал. На этот раз сомневаться не приходилось – она улыбалась. У нее были четко очерченные пунцовые губы и темно-серые глаза. Рудольф из учтивости тоже приподнял свою рюмку, потом немного отпил.

– Вы американец, верно? – Она говорила с едва заметным акцентом.

– Да.

– Я сразу поняла, как только вы вошли, – сказала она. – По вашему костюму. Вы приехали сюда отдыхать?

– Отчасти, – ответил он.

Стоит ли продолжать разговор? Он не умел общаться с незнакомыми людьми, а особенно с женщинами. Она не походила на нью-йоркских проституток, но он во Франции, а не в Америке – кто знает, как одеваются и ведут себя французские проститутки. Кроме того, к нему вообще редко приставали женщины. Джонни Хит, его приятель и адвокат, утверждал, что в Рудольфе чувствуется какая-то суровость, их отпугивающая. К самому Джонни приставали повсюду – на улице, в баре, на вечеринках. В нем никакой суровости, по-видимому, не было.

Еще в юности Рудольф научился держаться отчужденно и сухо, считая, что таким образом заявляет о своей принадлежности не к тем, среди кого он вырос – людям, легким на знакомство, по-плебейски шумным, веселым и общительным, – а совсем к другому классу. «Не перегнул ли я на этот раз палку?» – размышлял он, глядя на женщину за соседним столиком.

– Вам нравится в Ницце? – спросила женщина. Голос у нее был низкий, даже с хрипотцой, но приятный.

– Более или менее, – ответил он.

– Вы остановились в отеле?

– Нет, – сказал он. – Я здесь проездом, – добавил он. А почему бы и нет? Иногда полезно вспомнить, что ты мужчина. Он улыбнулся женщине. Улыбаться было приятно. – Разрешите вас угостить?

Он ни разу в жизни не приглашал выпить незнакомоего человека, будь то мужчина или женщина.

– Я один, – рискнул признаться он. – По-французски говорю плохо. Был бы рад с кем-нибудь познакомиться. С кем-нибудь, кто владеет английским. – «Как будто нельзя было обойтись без этой лицемерной фразы», – подумал он.

Женщина посмотрела на часы, делая вид, будто принимает решение.

– Что ж, – согласилась она, – можем познакомиться. – И улыбнулась ему. «Улыбаясь, она становится хорошенькой», – заметил он. У нее были белые зубы и прелестные морщинки вокруг темно-серых глаз. Она сложила журнал, взяла свою сумку, встала и прошла три шага, разделявшие их столики. Он тоже встал, отодвинул для нее стул, и она, поблагодарив его, села.

– Я пользуюсь любой возможностью говорить по-английски, – объяснила она. – Я прожила три года в Вашингтоне среди американцев и даже стала чувствовать к ним симпатию.

«Разыгрывает гамбит, – подумал Рудольф, но мысль эта не отразилась на его лице. – Будь я швед или грек, она сказала бы, что привыкла к обществу шведов и греков. Интересно, чем она занималась эти три года в Вашингтоне? За плату развлекала чиновников и конгрессменов в номерах мотелей?»

– Я тоже – к некоторым, – отозвался он.

Она чуть усмехнулась, как и подобает благовоспитанной даме. Нет, она определенно не похожа на расфранченных девиц, бродящих в поисках добычи по улицам Нью-Йорка. Он слышал, что в Америке тоже есть благовоспитанные шлюхи, которые берут сто долларов в час, а то и больше и которых можно вызвать только по телефону: не занятые в спектаклях актрисы, манекенщицы, элегантные домашние хозяйки, зарабатывающие себе на норковую шубу, – но ему никогда не доводилось видеть их воочию. По правде говоря, он ни разу не произнес, обращаясь к проститутке, больше трех слов: «Спасибо, не надо».

– А французы вам нравятся? – спрашивала женщина.

– Более или менее, – ответил он. – А вам?

– Некоторые, – снова усмехнулась она.

Появился официант. Лицо его ничего не выражало – такие переходы от столика к столику он видел и раньше.

– La même chose? Un vin blanc?⁴ – спросил Рудольф у женщины.

– А! – сказала она. – Вы говорите по-французски?

– Un petit peu⁵, – отозвался Рудольф. Он слегка захмелел и был настроен игриво. Сегодня вечер удовольствий, забав, красивых французских игрушек. Как бы ни развернулись события, дама убедится, что она имеет дело не с обычным американским туристом. – Je l'ai étudié à l'école⁶. В средней школе. Как это сказать по-французски?

– Collège? Lycée?⁷

– Lycée, – с удовольствием подтвердил он.

Официант переступил с ноги на ногу, деликатно намекая, что вовсе не обязан весь вечер стоять и слушать, как американец пытается вспомнить, чему его учили в школе на уроках французского, чтобы пора-зить подцепившую его дамочку.

– Monsieur? – сказал официант. – Encore un cognac?⁸

– S'il vous plaît⁹, – с достоинством отозвался Рудольф.

После этого они заговорили сразу на двух языках и вместе хохотали над французскими фразами, которые Рудольф с трудом выкапывал в памяти, рассказывая о пышногрудой учительнице французского языка у них в школе, о том, как считал себя влюбленным в нее, как по-французски писал ей о своей страсти, как однажды нарисовал ее обнаженной и как она отобрала у него этот рисунок. Женщина слушала его с удовольствием, поправляла ошибки, хвалила, когда он произносил без запинки больше трех слов подряд. «Если все французские шлюхи похожи на нее, – подумал Рудольф, – тогда понятно, почему проституция считается такой уважаемой профессией во французском обществе».

Затем женщина (он спросил, как ее зовут, оказалось – Жанна) посмотрела на часы и стала вдруг серьезной.

– Уже поздно, – сказала она по-английски, взяв в руки свою сумочку и журнал. – Я должна идти.

– Сожалею, если утомил вас, – отозвался он. Язык у него еле ворочался, и он с трудом выговаривал слова.

– Мне было очень приятно с вами, Джимми. – Она встала. Он сказал, что его зовут Джимми. Прикрылся чужим именем, чтобы его нельзя было выследить. – Но я жду звонка.

Он поднялся попрощаться. Теперь ему не придется спать с ней. При мысли об этом он почувствовал и облегчение, и сожаление. Поднимаясь, он пошатнулся и уронил стул.

– Чудес... Чудесно провел время, – запинаясь, произнес он.

– Где ваш отель? – нахмурилась она.

Где его отель? На мгновение перед глазами, как в тумане, возникла карта Франции.

– Где... мой отель? – Язык у него совсем не ворочался. – В Антибе.

– Вы на машине?

– Да.

– В таком состоянии нельзя садиться за руль.

Он сконфуженно наклонил голову. Наверное, сейчас она с презрением думает об американцах: вот приезжают во Францию, а сами напиваются так, что не в состоянии править машиной. И вообще ни на что не годятся.

– Я, собственно, не пью, – сказал он виновато. – Просто у меня был трудный день.

---

⁴ То же самое? Белое вино? (фр.)

⁵ Немного (фр.).

⁶ Я учил его в школе (фр.).

⁷ В коллеже? В лицее? (фр.)

⁸ Еще коньяку? (фр.)

⁹ Пожалуйста (фр.).

– Наши дороги опасны, особенно в темноте, – предупредила она.

– Особенно в темноте, – согласился он.

– Может, вы поедете со мной? – спросила она.

«Наконец-то», – подумал он. Как человек деловой, он должен был бы спросить ее, во сколько это ему обойдется, но после дружеской беседы за вином и коньяком подобный вопрос прозвучал бы неуместно. Еще успеется. И сколько бы ни стоило, он, в конце концов, может позволить себе провести ночь с европейской куртизанкой. Он был доволен, что припомнил такое слово – «куртизанка». И вдруг в голове у него прояснилось.

– Volontiers¹⁰, – сказал он на ее языке, желая доказать, что владеет собой. И, громко позвав официанта: «Garçon!» – вынул из кармана бумажник. Бумажник он держал так, чтобы ей не было видно, сколько в нем денег. В подобных ситуациях, о которых он знал только понаслышке, следует быть осторожным.

Подошел официант и по-французски сказал, сколько с него причитается. Рудольф не понял и, смутившись, обратился к женщине:

– Что он сказал?

– Двести пятнадцать франков, – ответила она.

Он вынул из бумажника три купюры по сто франков и отмахнулся от слабых попыток официанта дать ему сдачу.

– Не надо давать на чай так много, – шепнула она, выводя его из ресторана.

– Американцы благородны и щедры.

Она засмеялась и прижалась к нему. Показалось такси, и он залюбовался грацией, с какою она подняла руку, стройностью ее ног, мягкой линией груди.

Ехали они недолго. Она держала его за руку – больше ничего. В такси пахло духами, мускусом, еле уловимо – цветами. Машина остановилась перед невысоким многоквартирным домом на темной улице. Она расплатилась с шофером, потом снова взяла Рудольфа за руку и повела в дом. Они поднялись на один марш. Она отперла дверь,пустила его в темную прихожую, потом в комнату и щелкнула выключателем. Его поразила величина комнаты и вкус, с каким она обставлена, хотя при свете затененной абажуром лампы он мог разглядеть далеко не все. «У этой женщины, наверное, щедрая клиентура, – подумал он, – арабы, итальянские промышленники, немецкие стальные бароны».

– А теперь... – начала она, но в эту секунду зазвонил телефон.

«Она не лгала, – подумал он, – ей действительно должны были звонить». Она медлила, словно не решаясь поднять трубку.

– Будьте добры... – Она показала на дверь. – Я хотела бы остаться одна.

– Разумеется.

Он вышел в соседнюю комнату, закрыл за собой дверь и зажег свет. Это была небольшая спальня с двuspальной кроватью, уже разобранной. Из-за двери доносился ее голос. Ему показалось, что она сердится на своего собеседника, хотя слов он не различал. Он задумчиво посмотрел на большую кровать. Последняя возможность уйти. «Плевать», – решил он и разделся. Он в беспорядке швырнул одежду на стул, но переложил бумажник в другой карман. Потом лег и натянул на себя одеяло.

Он, должно быть, заснул, потому что вдруг почувствовал рядом теплое надушенное тело. В комнате было темно, на нем лежала гладкая упругая нога, на животе шевелилась мягкая рука, а уха касались губы, шептавшие что-то неразборчивое.

Он не знал, сколько было времени, когда он наконец замер в неподвижности, кончиками пальцев касаясь теперь уже знакомого тела, доставившего ему такое наслаждение. Он чувство-

---

¹⁰ Охотно (фр.).

вал покой и приятную теплоту. Пуританин низвергнут, а его пуританские заповеди осмеяны – и слава Богу! Он поднял голову, приподнялся на локте и ласково поцеловал женщину в щеку.

– Уже, наверное, очень поздно, – прошептал он. – Мне пора.

– Будь осторожен за рулем, *chèrì*¹¹, – сонно и блаженно отозвалась женщина.

– Не беспокойся, – сказал он. – Я совсем протрезвел.

Женщина повернулась и зажгла лампу на ночном столике. Он встал с кровати, гордясь своей наготой. «Юношеское тщеславие», – усмехнулся он про себя и быстро оделся. Женщина тоже встала. Лучше бы она не включала свет и не вставала. Тогда он мог бы оставить ей сто, нет, тысячу франков на камине, и темнота скрыла бы его провинциальное американское невежество в подобных делах: она бы спала, а он бы украдкой выскользнул из квартиры и из дома, и все было бы закончено. Но свет горел, женщина следила за ним улыбаясь. Ждет? Ничего не поделаешь. Он вынул бумажник.

– Тысячи франков достаточно? – спросил он, чуть запнувшись на последнем слове.

Она с удивлением посмотрела на него, улыбка исчезла с ее лица. И вдруг она начала смеяться. Сначала тихо, потом принялась хохотать. Она согнулась, обхватила руками голову – густые блестящие волосы темным каскадом упали на лицо – и смеялась, не в силах остановиться. Он напряженно смотрел на нее – и уже жалел, что побывал в ее постели, что пригласил ее к своему столику, что был в Ницце, жалел, что вообще очутился во Франции.

– Извини, – начал оправдываться он, – я просто не привык...

Она подняла голову, и он увидел ее смеющееся лицо. Она встала, подошла к нему и поцеловала его в щеку.

– Бедняжка, – сказала она, переводя дыхание. – А я и не знала, что так дорого стою...

– Если ты хочешь больше... – неловко произнес он.

– Гораздо больше, – ответила она. – Столько, сколько никто не может дать. Да ничего мне не нужно! Милый ты мой! Думал, что я проститутка, и был таким вежливым и ласковым. Будь все клиенты такие, как ты, мы все стали бы шлюхами. Мне и раньше нравились американцы, но теперь я люблю их еще больше.

– Господи, Жанна! – вырвалось у него. – Это случилось со мной впервые, – признался он, боясь, что она снова начнет смеяться.

– Интересно, куда смотрят американки? – удивилась женщина. Она пересела на край кровати и похлопала по матрасу рукой. – Иди сюда, сядь рядом, – сказала она.

Он сел рядом с ней. Жанна взяла его за руку, теперь уже как сестра.

– Если тебе от этого станет легче, *chèrì*, – сказала она, – то могу признаться, что и со мной это случилось впервые. Мне было так одиноко, так тоскливо... Разве ты не понял?

– Нет, – признался он. – По правде говоря, я плохо разбираюсь в женщинах.

– «Плохо разбираюсь в женщинах», – ласково передразнила его она. – И не пьешь. Именно такой мужчина мне и нужен был сегодня. Позволь рассказать немного о себе. Я замужем. Мой муж служит в армии. Он майор и был помощником военного атташе в Вашингтоне.

«Вот откуда она знает английский, – подумал он. – Значит, не было ни чиновников, ни конгрессменов, ни мотелей».

– А сейчас он временно служит в Париже. В Высшей военной школе – продолжала она. – Временно. – Она коротко и резко рассмеялась. – Он там уже три месяца. Здесь, в Ницце, у меня ходят в школу двое детей. Сегодня они у бабушки.

– Но у тебя нет обручального кольца, – сказал он. – Я посмотрел.

– Я его сняла. – Лицо ее помрачнело. – Сегодня мне не хотелось быть замужем. Днем я получила телеграмму от мужа, в которой он сообщал, что будет звонить; я сразу поняла, что он мне скажет. Он скажет, что у него много работы и он снова не может приехать. У него уже три

---

¹¹ Дорогой (*фр.*).

месяца много работы. По-видимому, там, в Высшей военной школе, они готовятся к чему-то необыкновенному, если бедный майор в течение трех месяцев не может даже на день слетать в Ниццу повидаться с женой. Я-то хорошо знаю, к какой войне мой муж готовится в Париже. Ты слышал, как я сказала ему по телефону...

– Нет, – ответил Рудольф. – Я не слышал, что ты говорила... Я только понял, что ты сердишься.

– Да, наша беседа была далеко не дружеской, – согласилась Жанна. – Мы ссорились. Теперь ты понимаешь, почему я очутилась в кафе без обручального кольца на руке?

– Более или менее, – ответил Рудольф.

– Когда ты вошел и сел, я собиралась расплатиться и идти домой, – тихо сказала она. – Двое мужчин уже подходили ко мне. Напыщенные позы с опытом, любители... Как это говорится в Америке? Однодневных?..

– Однодневных гастролей, – подсказал Рудольф.

– Именно.

– Они по крайней мере не приняли тебя за шлюху, – уныло возразил он. – Прости меня. Она погладила его по руке.

– Прощать нечего, – сказала она. – Это только внесло комическую ноту в наш вечер. Когда ты вошел и сел, я увидела твою добропорядочную и почтенную физиономию и решила не уходить. – Она улыбнулась. – Во всяком случае, не сразу. И оказывается, не ошиблась. Больше никогда не будь застенчивым. – Она снова как сестра похлопала его по руке. – Уже поздно. Ты сказал, что тебе пора... Запишешь мой телефон? Мы увидимся еще?

– Мне, наверное, тоже следует рассказать немного о себе, – заговорил Рудольф. – Прежде всего меня зовут не Джимми. Не знаю почему... – Он пожал плечами и улыбнулся. – Я стеснялся. Считал, что плохо поступаю. А если я назовусь чужим именем, то половина вины с меня вроде бы снимается. А может, из осторожности: вдруг мы когда-нибудь встретимся и я буду не один, ты скажешь: «Здравствуй, Джимми!» – а я смогу ответить: «Извините, мадам, вы меня с кем-то путаете».

– Если бы я вела дневник, – сказала Жанна, – я бы описала все, что сегодня случилось. Во всех подробностях.

– Меня зовут Рудольф, – продолжал он. – Мне никогда не нравилось мое имя. Мальчишкой я считал, что оно звучит не по-американски, хотя трудно сказать, что звучит по-американски и что нет. И какое кому до этого дело. Но в школе ты начинен книгами, где героев зовут Гекльберри Финн, Дэниел Бун, Стаде Лониган... Имя Рудольф напоминало мне какое-то тяжелое немецкое блюдо. Особенно во время войны. – Он никогда никому не говорил о своем отношении к собственному имени, даже сам для себя никогда не формулировал его так четко, и теперь удивился тому, что рассказывает об этом красивой, чужой или почти чужой женщине, рассказывает легко и даже с удовольствием. Он сидел в полумраке на кровати, и ему хотелось побыть подольше с этой женщиной, под каким-нибудь предлогом отложить уход, сказать, что до зари еще далеко, хотя уйти все равно придется.

– Рудольф, – повторила Жанна. – Имя как имя, не очень красивое, но и не плохое. А если называть тебя Родольфо? Пожалуй, лучше, а?

– Гораздо лучше.

– Отлично, – засмеялась она. – Отныне я буду называть тебя Родольфо.

– Родольфо Джордах, – повторил он. Это имя придало ему в собственных глазах какую-то лихость. – Моя фамилия Джордах. Я остановился в отеле «Дю Кап». – Мосты сожжены. Имя и адрес известны. Теперь они во власти друг друга. – И еще одно. Я женат.

– Я так и думала, – сказала Жанна. – Но это твое личное дело. Как и мой брак – мое личное дело.

– Моя жена со мной в Антибе. – Ему не хотелось признаваться, что они с Джин тоже в натянутых отношениях. – Дай мне твой телефон.

Она встала, подошла к столику, где лежали ручка и бумага, и, написав номер телефона, протянула ему листок; он аккуратно сложил его и спрятал в карман.

– В следующий раз, – сказала она, – тебе придется снять номер в отеле. Дети будут дома. В следующий раз...

– А теперь я вызову такси, – сказала она. Они перешли в гостиную, она набрала номер, что-то быстро сказала, подождала немного, согласилась: «Très bien»¹², – и положила трубку. – Такси приедет через пять минут, – сказала она. У двери они поцеловались долгим, благодарным, целительным поцелуем. – Спокойной ночи, Родольфо, – сказала она и улыбнулась. Он понял, что долго будет помнить ее улыбку.

Такси уже стояло у подъезда, когда он вышел на улицу.

– В отель «Негреско», – сказал Рудольф, садясь в машину.

Когда такси тронулось, он оглянулся на дом. Надо запомнить его, чтобы найти снова, чтобы вспоминать во сне. Они доехали до «Негреско», и он, поглядев налево и направо, перешел улицу в том месте, где стояла его машина. Усевшись за руль, он медленно и осторожно поехал по пустому приморскому шоссе к Антибу.

Поравнявшись с портом, он поехал еще медленнее, затем круто свернул на стоянку, вылез и пошел по набережной туда, где у безмолвного причала покачивалась «Клотильда». На «Клотильде» было темно. Ему не хотелось будить Уэсли и Кролика. Сняв туфли, он спрыгнул с палубы в стоявшую рядом плоскодонку, отвязал канат, сел и бесшумно вложил весла в уключины. Без единого звука он отплыл от яхты, выгреб на середину гавани, налег на весла и направил лодку в море. От воды сильно пахло дегтем, с берега доносился аромат цветов.

Он действовал почти автоматически, не думая, зачем он это делает. Каждый взмах веслами доставлял ему физическое удовольствие, а плеск срезаемой носом волны о борта плоскодонки казался музыкой, достойной завершить эту ночь.

Лодка приближалась к красным и зеленым огням, обозначавшим выход в море, и неясные тени Антиба с редкими огоньками медленно уходили вдаль. Он греб, наслаждаясь радостным ритмом своих движений. Сколько раз эти самые весла были в руках его брата! Рудольф с трудом удерживал гладкое дерево, отполированное сильными руками Тома. Утром ладони, наверное, покроются волдырями. Это приятно.

«Томас, Томас!» – прошептал он. Лодка вышла в открытое море и закачалась на тихой волне. Он греб и вспоминал те случаи, когда они, родные братья, не оправдывали ожиданий друг друга, и конец, когда они позабыли свои распри или по крайней мере простили их друг другу.

Он подумал о своем отце, обезумевшем и жалком старике, который тоже шел на веслах во тьме, выбрав для своего последнего путешествия штормовую ночь. У отца хватило сил на самоубийство, и в смерти он обрел покой, который не мог обрести в жизни. Он же на это не способен. Он совсем другой человек, у него другие обязанности. Он глубоко вздохнул, повернул плоскодонку назад и поплыл обратно к «Клотильде». Руки у него горели.

Бесшумно привязав лодку к корме «Клотильды», он поднялся по веревочному трапу на палубу, спустился на берег. Надел туфли – обряд совершен, служба окончена, – сел в машину и включил зажигание.

Он подъехал к отелю в четвертом часу. Кроме ночного портье за конторкой, зевавшего во весь рот, в вестибюле не было никого. Он взял свой ключ и уже направился к лифту, когда портье окликнул его:

---

¹² Очень хорошо (фр.).

– Мистер Джордах! Миссис Берк просила сразу же позвонить ей, как только вы придете. Она сказала, что это очень важно.

– Спасибо, – устало отозвался Рудольф. «Ничего, Гретхен подождет до утра».

– Миссис Берк просила и меня позвонить ей, когда вы появитесь. В любой час.

Догадалась, что он постарается уклониться от встречи, и приняла меры предосторожности.

– Понятно, – вздохнул Рудольф. – Позвоните ей, пожалуйста, и скажите, что я зайду, как только повидаюсь с женой. – Нужно было остаться на всю ночь в Ницце. Или сидеть до утра в лодке. Чтобы встретиться с тем, что его ждет, при дневном свете.

– И еще, – добавил портье, – вас тут искал один джентльмен. Некий мистер Хаббел. Из журнала «Тайм». Он пользовался нашим телексом.

– Если он придет снова и будет меня спрашивать, скажите, что меня нет.

– Ясно. *Bonne nuit, monsieur*¹³.

Рудольф нажал кнопку лифта. Он собирался позвонить Жанне, пожелать ей спокойной ночи, попытаться объяснить, как она помогла ему, вслушаться в ее низкий, хрипловатый чувственный голос и заснуть, вспоминая о прошедшем, чтобы увидеть во сне что-нибудь приятное. Теперь об этом нечего было и думать. Тяжело ступая и чувствуя себя старым, он вошел в кабину лифта, поднялся на свой этаж и почти бесшумно отворил дверь в номер. Свет горел и в гостиной, и в комнате Джин. После убийства Тома она боялась спать в темноте.

– Рудольф? – окликнула она его, когда он проходил мимо ее двери.

– Да, дорогая, – вздохнул Рудольф. Он так надеялся, что она спит. Он вошел в комнату. Джин сидела в постели и смотрела на него. Автоматически он перевел взгляд на стол в поисках стакана или бутылки. Ни стакана, ни бутылки, и по лицу видно, что она не пила. «Старой она выглядит, – подумал он, – старой. Изможденное лицо, погасшие глаза и кружевная ночная сорочка – такой она должна бы стать через добрых сорок лет».

– Сколько сейчас времени? – резко спросила она.

– Четвертый час. Тебе пора спать.

– Четвертый час? Не кажется ли тебе, что рабочий день консульства в Ницце несколько растянут?

– Я решил сегодня вечером отдохнуть, – сказал он.

– От чего?

– От всего, – ответил он.

– От меня, – с горечью констатировала она. – Это уже вошло в привычку, правда? Стало образом жизни?

– Может, мы отложим обсуждение до утра? – спросил он.

Она потянула носом.

– От тебя пахнет духами. Это мы тоже обсудим утром?

– Если угодно, – ответил он и направился к выходу. – Спокойной ночи.

– Не закрывай дверь! – крикнула она. – Пусть все пути к бегству будут открыты.

Он не закрыл дверь. Плохо, что он не чувствует к ней жалости.

Через гостиную он прошел к себе и закрыл за собой дверь. Потом отворил дверь, ведущую из его комнаты в коридор, и вышел. Ему не хотелось объяснять Джин, что он должен повидаться с Гретхен по делу, которое его сестра считает неотложным.

Номер Гретхен был дальше по коридору. Рудольф шел мимо тувель, выставленных для чистки. Европа того и гляди станет коммунистической, а бедняки по-прежнему каждую ночь с двенадцати до шести чистят чужую обувь.

---

¹³ Спокойной ночи, мсье (*фр.*).

Не успел он постучать, как Гретхен тотчас открыла. На ней был светло-голубой махровый халат, почти такого же цвета, как платье Жанны. Маленькое бледное лицо, темные волосы и сильное стройное тело делали ее удивительно похожей на Жанну. Как все в мире одинаково. Эта мысль пришла ему в голову впервые.

– Входи, – сказала она. – Если бы ты знал, как я беспокоилась! Где ты был?

– Долго рассказывать, – ответил он. – Может, подождем до утра?

– Нет, не подождем, – ответила она и, закрыв дверь, тоже потянула носом. – От тебя божественно пахнет, братец, – усмехнулась она. – И вид у тебя такой, будто ты только что переспал с женщиной.

– Я джентльмен, – сказал Рудольф, стараясь обратить ее слова в шутку. – А джентльмены подобные вещи не обсуждают.

– А дамы обсуждают, – сказала она.

«Есть в Гретхен все-таки что-то вульгарное».

– Хватит об этом, – сказал он. – Я хочу спать. Что у тебя такое важное?

Гретхен упала в большое кресло, словно ноги у нее подкосились от усталости.

– Час назад мне звонил Дуайер, – ровным тоном объявила она. – И сказал, что Уэсли в тюрьме.

– Что?

– Уэсли в тюрьме в Канне. Он затеял драку и чуть не убил человека пивной бутылкой. А потом ударил полицейского, и полиции пришлось его утихомирить. Ну как, достаточно это для тебя важно, братец?

4

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

Сегодня в Брюсселе были волнения и рвались бомбы. И все из-за того, что, по мнению фламандцев, их дети должны обучаться на родном языке, а не на французском и что названия улиц должны быть написаны на обоих языках. В наших армейских подразделениях негры тоже поговаривают о том, чтобы устроить мятеж, если им не разрешат носить традиционную африканскую прическу. Люди готовы по любому поводу растерзать друг друга. По этой причине, как ни грустно такое констатировать, я и ношу военную форму, хотя не имею ни малейшего желания причинить кому-либо вред, и, на мой взгляд, люди смогут говорить на любом языке: на фламандском, баскском, сербско-хорватском или на санскрите. Я только скажу: «Превосходно».

Может, у меня не хватает характера?

Наверное. Если ты человек сильной воли, то тебе хочется подчинить все и всех вокруг себя. А тех, кто не говорит на твоём языке, подчинить трудно, и человек с характером начинает сердиться, как, например, американские туристы в Европе, которые принимаются кричать, когда официант не понимает, чего от него требуют. В политике же вместо крика используются полиция и слезоточивый газ.

Моника знает немецкий, английский, французский, фламандский и испанский. Говорит, что умеет читать и по-эльски. Насколько я могу судить, в душе она такая же пацифистка, как и я, но ведь она – переводчица в НАТО, и по долгу службы ей приходится изрыгать страшные угрозы одних воинственно настроенных деятелей в адрес других воинственно настроенных деятелей.

Мы провели целый день в постели.

Время от времени мы это делаем.

Когда Рудольф подъехал на такси к зданию каннской префектуры, Дуайер уже ждал его. «Лучше приехать на такси, – решил Рудольф, – чем на собственной машине». Он боялся, что, если явится в полицейский участок и начнет требовать освобождения племянника, у него могут взять пробу на алкоголь. Дуайер стоял, прислонившись к стене, и, несмотря на свой толстый свитер, дрожал, а лицо у него было зеленовато-бледным в жидком свете горевших перед входом в префектуру фонарей. Рудольф вылез из такси и посмотрел на часы. Пятый час. Улицы Канна были пусты – все, кроме него, либо закончили свои дела, либо отложили их до утра.

– Слава Богу, вы здесь, – сказал Дуайер. – Ну и ночка, черт бы ее побрал!

– Где он? – сдержанно спросил Рудольф, стараясь успокоить Дуайера, который, судя по его лицу и по тому, как он тер костяшки пальцев одной руки о ладонь другой, мог в любой момент впасть в истерику.

– Там у них. В камере, наверное. Они не дали мне с ним повидаться. Я туда войти не могу. Они предупредили, что, если я еще раз туда сунусь, меня тоже посадят. Говорить с французской полицией – все равно что с Гитлером, – горько заключил Дуайер.

– Как он? – спросил Рудольф. Глядя на съежившегося от холода Дуайера, он тоже почувствовал озноб. Он был в том же костюме, что и днем, и, уходя из отеля, позабыл захватить с собой пальто.

– Как сейчас – не знаю, – ответил Дуайер. – Когда его притащили, он был почти в порядке, но ведь он ударил полицейского, и что они потом с ним сделали, одному Богу известно.

«Нет ли тут поблизости кафе? – подумал Рудольф. – Просто чтоб было светло и можно было погреться». Но на узкой улице он увидел только неяркие пятна фонарей.

– Не беспокойтесь, Кролик, – мягко сказал он. – Я сейчас попробую все уладить. Но сперва расскажите мне, что произошло.

– Мы решили поужинать в городе, – начал Дуайер таким тоном, словно Рудольф его обвинял и требовал доказательств его невиновности. – Разве можно было в такой вечер оставить парня одного, как по-вашему?

– Конечно, нет.

– Мы выпили. Уэсли обычно пил вино с нами, с отцом и со мной. Отец наливал ему как взрослому, мы забывали, что он еще мальчишка... Вы ведь знаете, во Франции... – Он замолк, словно из-за этой бутылки вина, выпитой вместе с Уэсли в антибском ресторане, его опять принялись обвинять во всех смертных грехах.

– Знаю, – сказал Рудольф, стараясь не выказывать раздражения. – И что потом?

– Потом парень попросил коньяку. Двойную порцию. «А почему бы и нет? – решил я. – В день похорон отца... Даже если он напьется, мы рядом с портом, дотащить его до яхты труда не составит». Только он не захотел возвращаться. Он вдруг встал из-за стола и говорит: «Я еду в Канн». Я его спрашиваю: «Зачем, черт побери, тебе в Канн в такую поздноту?» Он говорит: «Хочу побывать в ночном баре». Точные его слова. «Побывать. Я хочу побывать в “Розовой двери”». Одному Богу известно, что у него с головой сделалось от коньяка и от всего вместе. Я уж его и так и эдак упрасивал. Чего только не говорил. А он меня послал подальше. Первый раз в жизни. Тут я понял: его и бульдозером с места не сдвинешь. Он говорит: «Я тебя не прошу ехать со мной. Иди спи и набирайся сил». Я догнал его уже на улице, схватил за руку. Не мог же я отпустить его одного в этот проклятый бар, верно?

– Конечно, – устало отозвался Рудольф. – Вы поступили совершенно правильно. – Интересно, а что он сам сделал бы на месте Дуайера? Наверное, отпустил бы.

– Мы взяли такси и поехали в «Розовую дверь». – То ли от горя, то ли от страха, то ли от бессилия Дуайер разговорился и остановиться уже не мог. – Уэсли молчал всю дорогу. Ни одного слова не проронил. Сидел и смотрел в окно, как турист. Поди догадайся, что он задумал. Я не психолог, детей у меня никогда не было, да и вообще в чужую душу не влезешь. – Он снова начал оправдываться, словно кто-то сомневался в его искренности. – Я решил, что он просто распахивался. А кто бы на его месте не распахивался в такой день? Наверное, вбил себе в голову, что его долг перед отцом – поехать и посмотреть, где все это началось. Он видел конец, сам высыпал прах в море, должен же он увидеть и начало тоже.

«Начало, – думал Рудольф, вспоминая необузданный нрав брата. – Начало было не в ночном баре в Канне. Для этого нужно вернуться назад. На много лет назад».

– А что, думаю, может, это и не такая уж плохая мысль, – продолжал Дуайер. – Во всяком случае, одно ясно: югослава, с которым Том подрался, там не будет. Его ищет полиция, он исчез бесследно на второй день после убийства, едва его допросили. Кроме того, мы с Уэсли его ни разу не видели и не узнаем, даже если он окажется рядом с нами прямо под лампой. Радости, конечно, мало, но и вреда тоже не будет – выпьем по рюмке-другой и поедем спать, разве только голова завтра поболит малость.

– Все понятно, Кролик, – дрожа от холода, согласился Рудольф. – В данных обстоятельствах вы не могли поступить иначе.

Дуайер энергично закивал.

– А из-за чего началась драка? – спросил Рудольф. Дуайеровские оправдания можно отложить до другого раза. Пятый час утра, холодно. Уэсли в участке, и вполне возможно, что как раз в данную минуту над ним трудятся полицейские. – Кто виноват? Уэсли?

– Виноват? Разве в драке определишь, кто виноват? – У Дуайера дрожали губы. – Мы постояли в баре, помолчали, выпили две, а может, три порции виски, а рядом с нами стоял

здоровый англичанин, с какого-то судна в порту, сразу видно – моряк. Он пил пиво и громко рассказывал своей девице про американцев. Наверное, что-то не очень приятное, потому что Уэсли вдруг повернулся к нему и тихо сказал: «А ну, паразит, заткни пасть и кончай тявкать про американцев!»

«О Господи, – подумал Рудольф, – нашел время и место для проявления патриотизма».

– Англичанин распространялся насчет того, что им, англичанам, пришлось-де воевать не только за себя, но и за американцев. Уэсли тогда еще и на свете-то не было, что ему за дело до этого, черт побери? Господи, да начни хоть десять англичан кричать, что все американцы трусы, сутенеры и развратники, его собственный отец ни за что не полез бы в драку. А Уэсли полез. Я ни разу не видел его в деле, но Том мне рассказывал про него: я понял, что будет, схватил его за руку и говорю: «Пошли, парень. Нам пора». Но тут этот англичанин – лет тридцати, а весу в нем, наверное, фунтов двести, да и пива он наакался порядком – повернулся к нему и говорит: «А ну-ка, сынок, повтори, что ты сказал». И Уэсли все так же тихо и вежливо повторил: «Заткни пасть, паразит, и кончай тявкать про американцев!» И даже тогда все могло закончиться тихо и мирно, потому что девица схватила англичанина за рукав и стала уговаривать: «Пойдем домой, Арнольд». Но он вырвался и спрашивает: «Ты с какого судна, приятель?» И потихоньку тянется за пивной бутылкой на стойке. «С “Клотильды”», – отвечает Уэсли, а я чувствую: он весь напрягся. «Поищи себе место на другом судне, сынок, – засмеялся англичанин. – Не думаю, что на «Клотильду» теперь будет спрос». По-моему, этот смех Уэсли и доконал. Он вдруг рванулся, первым схватил бутылку и как шарахнет англичанина по башке. Англичанин упал, весь в крови, вокруг поднялся крик, а Уэсли – видели бы вы тогда его физиономию – принялся бить англичанина ногами. И где он научился так драться! Лупит ногами, подумать только! И хохочет как чокнутый. Я повис на нем, стал его оттаскивать, а он-то, наверное, даже не заметил. Рядом со столиком сидели двое полицейских в штатском, они его и схватили, но он одному двинул – тот с копыт. Тогда второй полицейский вытащил дубинку, саданул Уэсли по затылку, и на этом драка закончилась. Они выволокли Уэсли из бара и посадили в полицейскую машину; меня в машину не пустили, поэтому я со всех ног побежал в участок, а навстречу мне на полной скорости, с включенной сиреной и мигалкой промчалась «Скорая помощь». В каком там виде сейчас этот англичанин? – вздохнул Дуайер. – Вот и все, – устало заключил он. – Пожалуй, все. Теперь вы понимаете, почему я позвонил вам в отель?

– Спасибо, что позвонили, – тоже вздохнул Рудольф. – Подождите здесь. Сейчас узнаю, как обстоит дело.

– Я бы пошел с вами, – сказал Дуайер, – только они еще больше разозлятся.

Расправив плечи, Рудольф вошел в полицейский участок. Глаза обожгло ярким светом, но зато там было тепло. Жаль, что он в мятом костюме, небрит и, по словам Гретхен, выглядит так, будто только что переспал с женщиной, а то бы он чувствовал себя куда уверенней. Он помнил также, что от него по-прежнему пахнет духами. «Не так ты одет и не тем пахнешь», – подумал он, подходя к высокой конторке, за которой, мрачно взирая на него, восседал толстый полицейский с выбритыми до синевы скулами.

«Как расширяют кругозор путешествия, – думал Рудольф, улыбаясь или надеясь, что улыбается полицейскому, – любишь соборами, спишь с женой европейского офицера, плаваешь над судами, затонувшими во время войны, знакомишься с иноземными обычаями, чужими товарами и напитками, полицейскими участками, крематориями».

– Моя фамилия Джордах, – медленно произнес он по-французски. – Я американец... – Слышал ли полицейский о Лафайете, плане Маршалла, Дне высадки союзников во Франции? Тогда можно рассчитывать на благодарность. Если, конечно, она существует. – По-моему, у вас здесь мой племянник Уэсли Джордах.

Полицейский ответил так быстро, что Рудольф его не понял.

– Говорите помедленнее, пожалуйста, – попросил он. – Я не силен во французском.

– Приходите к восьми утра, – медленно произнес полицейский.

– Я бы хотел повидать его сейчас, – настаивал Рудольф.

– Я сказал – к восьми утра, – нарочито медленно повторил полицейский и для большей наглядности показал восемь пальцев.

Нет, ни о Лафайете, ни о Дне высадки союзников полицейский явно не слышал.

– Может, ему нужна медицинская помощь? – спросил Рудольф.

– Он обеспечен самой лучшей медицинской помощью, – снова так же медленно ответил полицейский. – Приходите в восемь утра. По французскому времени. – И засмеялся.

– Здесь кто-нибудь говорит по-английски?

– Это полицейский участок, мсье, – сказал полицейский. – Вы не в Сорбонне.

Рудольфу хотелось спросить, нельзя ли взять племянника под залог, но он не знал, как это сказать по-французски. Ежегодно в Канн приезжают тысяч пятьдесят американских и английских туристов; неужели ни один из этих мерзавцев не мог взять на себя труд выучить английский язык?

– Я хотел бы поговорить с вашим начальником, – упорствовал он.

– В данный момент он отсутствует.

– Тогда с кем-нибудь еще.

– Кто-нибудь еще – это я. – Полицейский снова расхохотался. Потом нахмурился и сразу стал выглядеть более естественно. – Прошу вас уйти, мсье, – строго сказал он. – Будьте добры очистить помещение.

«Не дать ли ему взятку?» – подумал Рудольф. Но он уже этой ночью допустил ошибку, предложив деньги не там, где полагалось. Вторая ошибка может оказаться куда серьезнее.

– Идите, идите, мсье, – нетерпеливо взмахнул толстой рукой полицейский. – Я занят.

Потерпев поражение, Рудольф вышел на улицу.

– Ну что? – вскинулся Дуайер.

– Ничего, – ответил Рудольф. – Велели прийти в восемь утра. Пойдемте в какую-нибудь гостиницу. Нет смысла возвращаться в Антиб на два часа.

– Да, но я боюсь оставлять «Клотильду», – сказал Дуайер. – Сейчас, знаете, мало ли что... – Он не закончил мысли. – А утром я буду здесь.

– Как угодно, – отозвался Рудольф.

Он был так измочален, словно пробежал марафонскую дистанцию. Рано утром он позвонит антибскому адвокату. Он вспомнил старого Тедди Бойлана, семья которого владела кирпичным заводом в Порт-Филипе, где Рудольф родился. Тедди Бойлан, можно сказать, подружился с ним и в каком-то смысле помог ему получить образование. Тедди Бойлан советовал ему идти в адвокаты. «Миром правят адвокаты», – утверждал Бойлан. Отличный, наверное, совет для тех, кто стремится править миром. Когда-то и он был одним из них. Но теперь нет. Последуй он совету Бойлана и займись адвокатской практикой, разве посмел бы этот полицейский с синими щеками смеяться над ним и выставить его из участка! И Уэсли не сидел бы сейчас за решеткой во власти полицейского, которого ударил в пьяной драке. А может, и Том был бы жив или по крайней мере умер при других, более приличных обстоятельствах. Ну и мысли лезут в голову в четыре часа утра!

Рудольф шел не спеша по пустынным улицам, на которых сейчас не было ни проституток, ни шулеров, ни машин «Скорой помощи», в сторону отеля «Карлтон». Там он снимет номер и поспит несколько часов. А Дуайер найдет такси и доедет до «Клотильды».

«Вот так, наверное, сотни раз чувствовал себя отец, когда его избивали и от боли он не мог пошевелиться», – думал Уэсли, лежа на откидных нарах в камере. Мысль эта была чем-то ему приятна, она сближала его с отцом, чего не смогла сделать молитва в соборе. Он

успокоился, остыл. Он был рад, что его оторвали от англичанина, и надеялся, что не убил этого сукина сына.

Если этот сукин сын не подойдет, дядя Руди вытащит его отсюда. Мистер Руди Джордах умеет улаживать любые неприятности. Уэсли поневоле улыбнулся, хотя улыбаться было жутко больно.

Однако улыбка быстро исчезла. Слишком уж недолго он знал своего отца. Закончились длинные беседы во тьме рубки.

Они наверстывали упущенное за те годы, когда мать Уэсли, сбежав вместе с ним, перекидывала его из одной жуткой школы в другую и при этом рассказывала, что отец бросил их, удрал с какой-то дешевой шлюхой, а может, уже и погиб, да это и немудрено, если жить так, как он, – пить, гулять, развратничать, драться, сорить деньгами и наживать себе врагов. Его мать за многое в ответе.

А сам он? Будь он тогда внимательнее, они не ударились бы о то плавающее бревно и им не пришлось бы возвращаться в Антиб на ремонт; шли бы сейчас вдоль побережья Италии, мимо Портофино, Эльбы, Сицилии, все внизу бы спали, а отец хриплым басом рассказывал бы ему про Клотильду Деверо, в честь которой названа их яхта, служанку в доме его дяди – толстого немца Харольда.

А если бы он, Уэсли, не спал как младенец, то услышал бы шаги на палубе – отец их слышал сквозь любой сон, как бы ни устал и как бы крепко ни спал, – и, поднявшись, увидел бы, что отец один отправляется спасать Джин Джордах; он пошел бы вместе с ним, а может, заставил бы отца вызвать полицию или по крайней мере был рядом – тогда югослав понял бы, что драться бессмысленно.

«Кого я обманываю? – думал Уэсли. – Не случись это здесь, случилось бы в Портофино, на Эльбе или на Сицилии. Все равно Джин Джордах впуталась бы в какую-нибудь историю и втянула бы остальных». Она с самого начала ему не понравилась, он так и сказал отцу. А отец ответил: «Верно, человек она нелегкий. Я бы на ней не женился, но Руди мыслит по-иному. Она богатая, красивая, неглупая. – Он пожал плечами. – Наверное, приходится расплачиваться за то, что имеешь богатую, красивую, неглупую жену». Только расплачиваться-то пришлось его отцу. Отец не боялся за собственную жизнь, был чересчур уверен в себе. «Мне самому много досталось из-за женщин. – И, чуть грустно усмехнувшись в темноте, рассказал сыну про близняшек из Элизима, штат Огайо, которые утверждали, что забеременели от него, когда его посадили в тюрьму по обвинению в изнасиловании несовершеннолетних. – Теперь-то я думаю, – философски добавил Том, – может, это было и поделом, хотя в ту пору я так не считал. Мне, наверное, следовало предостеречь тебя, но ты бы вряд ли стал слушать, а, Уэсли?»

«Да я более или менее осторожен», – ответил Уэсли. Он уже в двух плаваниях имел дело с дамами, мужа которых тоже были на борту, о чем, он не сомневался, отец прекрасно знал.

«По-моему, тебе это дело нравится», – сухо заметил Том.

«Как всякому», – отозвался Уэсли.

«Мне тоже», – признался Том. Потом он стал вспоминать о мальчишке, вместе с которым поджег крест на лужайке у дома Бойлана и который потом его выдал; о своем менеджере Шульце; о человеке, у которого он шантажом выманил пять тысяч долларов в Ревир-клубе; о Фальконетти, которого он высмеял в присутствии двадцати семи членов команды судна и довел до самоубийства. Он рассказывал о них обо всех, чувствуя, что подросток, истосковавшийся по отцу и наконец обретший его, может составить о нем ложное, идеализированное представление, которому он, Том, не в силах соответствовать, а потому должен скорректировать его, чтобы избавить сына от неизбежного и горького разочарования.

Его советы отличались практичностью: «Ты любишь море, вот и свяжи с ним свою жизнь. Тут и работа, и можно отдохнуть, и разнообразие, а не одно и то же все время, и ты на свежем воздухе. Рано или поздно у тебя будет «Клотильда», а то и что-нибудь получше. И ты уже

будешь знать про свое судно все-все и с удовольствием за ним ухаживать, как мы с Дуайером. И я советую тебе не путаться с пассажирками. – Том усмехнулся. Может, отцу и не положено говорить о таких вещах, но он не мог промолчать, видя повышенный интерес Уэсли к сексу. – Действуй самостоятельно, потому что нет хуже западни, чем вкалывать на другого. Изучи все. Сверху донизу. Тебе есть у кого учиться: у меня, у Кролика, у Кейт. Не экономь на оборудовании. Если тебе по какой-либо причине не по душе человек, которого ты нанял, ссади его в первом же порту. Если ты нашел у пассажира наркотики, выбрось их за борт без разговоров. По возможности не пей с пассажирами. Захочешь – вполне сможешь выпить на свои. Не жмотничай. Это сразу становится известно. Если тебе не нравится, как выглядит море, иди в порт и не слушай, что кто-то там опаздывает в Рим, Канн или Афины на важную деловую встречу или на свидание с девицей. Не ввязывайся в склоки. Не отступай, но сам на рожон не лезь...»

«Надо было записать все это на пленку, – подумал Уэсли, – и каждый вечер перед сном прослушивать».

«Держи на борту оружие. На всякий случай. Под замком. Вдруг пригодится».

Вот оно – завещание отца: «Не экономь на оборудовании и держи оружие при себе».

А где держат оружие на «Клотильде»? Кролик, наверное, знает, но черта с два скажет. Когда оно понадобилось, его под рукой не оказалось.

Отец продолжал что-то говорить во тьме, отгороженной решеткой. Голос его был спокойным, даже веселым, но слова стали неразборчивыми.

В затылке у Уэсли застучало, голос отца стихал, как звук буя, оставшегося в тумане за кормой, и он заснул.

5

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

У меня слабость к моему отцу, ибо он, в свою очередь, человек слабый. Его я простил. А вот к матери я слабости не испытываю, ибо она сильная женщина, и ее я не прощаю. Пусть археолог, которому суждено раскапывать руины Брюсселя в следующем столетии, поразмыслит над этим. Мы все часто думаем о своих родителях. А я – о своих двух отцах. Уильям Эббот, мой родной отец, был и, наверное, поныне остается веселым и очаровательным бездельником.

Колин Берк, второй муж моей матери, был блестящим, эгоистичным, талантливым человеком; он умел заставить актеров работать в полную силу, и экран у него полыхал огнем. Я любил его, восхищался им и мечтал, когда вырасту, стать таким же, как он. Не получилось. Я вырос похожим, к сожалению, на Вилли Эббота, хотя и лишен некоторых присущих ему привлекательных качеств. Его я тоже любил.

Сколько раз я укладывал его в постель пьяным.

Сегодня я на пари сыграл пять партий в теннис и все выиграл.

Он снова съездил в Ниццу в консульство, дважды побывал в тюрьме в Грасе, куда перевели Уэсли, и трижды ходил к адвокату. Консул смущался, но не мог посоветовать ничего определенного, а адвокат кое в чем помог. Чего не скажешь об Уэсли – этот молчал, раскаяния не испытывал, физически чувствовал себя неплохо и больше интересовался не собственной участью, а участью соседей по камере, один из которых воровал драгоценности, другой предъявлял краденые чеки, а третий занимался подделкой произведений искусства. Со времени ареста Уэсли не брился, оброс светлой густой щетиной и стал похож на волка; среди преступников он нисколько не выделялся. Когда он вошел, в маленькой комнате, где Рудольфу разрешили с ним побеседовать, запахло, как в клетке у дикого зверя, которую плохо чистят. Этот запах перенес Рудольфа в прошлое, в комнату над пекарней, в постель, которую он делил с Томом, когда оба были подростками и когда Том являлся домой за полночь после драк на улице. Он вынул носовой платок и сделал вид, что сморкается; Уэсли, усмехаясь углом рта, уселся напротив него за некрашеным, поцарапанным столом старой провансальской работы, любезно предоставленным в их распоряжение полицией славящегося своими цветами города Граса.

Рудольф сделал серьезное лицо, чтобы мальчишка понял всю нешуточность своего положения. Полиция через адвоката дала Рудольфу знать, что случай этот непростой – пивную бутылку можно считать и опасным орудием – и что Уэсли в лучшем случае придется просидеть в тюрьме не меньше нескольких недель.

Рудольф также не раз звонил в Нью-Йорк своему адвокату Джонни Хиту, который сказал, что если он сумеет отделаться от французов, то дела Тома, по всей вероятности, можно будет уладить в Нью-Йорке – последнем, насколько известно, местожительстве покойного в Соединенных Штатах, – но что на это потребуется немало времени.

«Нам суждено утонуть в бумагах», – думал Рудольф. Он слушал разглагольствования Джонни Хита о том, что скорее всего суд назначит Кейт Джордах, жену покойного, несмотря на ее английское подданство, администратором наследства и что одна треть состояния, по всей вероятности, достанется ей, а две трети – сыну, хотя ее беременность осложняет дело; и ему представлялось, как «Клотильда» со всеми пассажирами на борту идет ко дну в океане судебных документов, постановлений и распоряжений. Сыну, поскольку он несовершеннолетний,

до восемнадцати лет положен опекун, и почему бы Рудольфу, как самому старшему и близкому из родственников мужского пола, не взять на себя эту обязанность? Имущество покойного, вероятно, придется ликвидировать, чтобы заплатить налог на наследство, а это значит, что в течение года «Клотильда» должна быть продана. Но, предупредил Хит, пока он ничего определенного сказать не может, необходимо кое с кем проконсультироваться.

Рудольф не сказал Уэсли о своих беседах с Хитом. Он просто спросил, не обижают ли его и что ему нужно. Уэсли равнодушно ответил, что к нему относятся как ко всем и что ему ничего не нужно. «Непонятный молодой человек, – возмущался Рудольф, – и всегда он почему-то враждебно настроен». Из-за этого свои визиты в тюрьму Рудольф старался по возможности сократить.

Но когда он, усталый, возвращался в отель, его ждал не лучший прием. Даже худший, по правде говоря. Джин совсем перестала сдерживаться. Она рвалась домой, требовала, чтобы ее, как она выражалась, выпустили на свободу, – вероятно, впервые за всю историю отель «Дю Кап» называли тюрьмой. Почему-то она вбила себе в голову, что ее отъезд задерживается по вине Рудольфа, и сколько он ни твердил ей, что ее паспорт в полиции, а не у него, она по-прежнему билась в истерике.

– Черт бы побрал твоего кретина брата! – кричала она во время последней ссоры. – Чего он полез в чужие дела? Ну изнасиловали бы меня. Подумаешь! Не первый случай с американкой во Франции. Зато я уже давно была бы дома.

От ее пронзительного голоса у него зазвенело в ушах, а перед глазами на мгновение предстала та Джин, какой она была, когда они только поженились: живая, хорошенькая, неистовая в любовных утехах, которым они предавались после полудня в выходившей на море комнате (не в той ли самой комнате она спит и сейчас?). Рудольф вспомнил, как Джин призналась, что она, которую он до свадьбы считал бедной труженицей, гораздо богаче его, и предложила купить ему яхту... Нет, лучше не вспоминать.

Узнав, что Уэсли чуть не убил человека, Джин окончательно решила, что причина всей трагедии не в ее пьянстве и психической неуравновешенности, а в присущей всем Джордах тяге к насилию.

– Так или иначе, – визжала она, – со мной или без меня, с такими характерами оба они, твой братец и его сын, с самого начала были обречены. Это у них в крови.

Гретхен, вспомнилось ему, сказала почти то же самое, и он из-за этого с ней поругался. Он видел Уэсли в тюрьме. В жилах Уэсли текла кровь не одних только Джордахов. Он вспомнил Терезу – его мать, вечно хмурую, с жестким взглядом и соблазнительной фигурой. Кто знает, от каких сицилийских бандитов унаследовано это зловоние, эта волчья ухмылка? Вину, если это и вправду вина, следует разделить по справедливости.

– И про твоего отца-психопата я знаю! – кричала Джин, вспоминая и его запятнанных преступлениями предков-немцев. – Удивительно, как это тебе и твоей любимой сестрице удалось так долго продержаться на этом свете. Кстати, о твоей сестре – как умер ее муж?! Его тоже убили!..

– Он погиб в автомобильной катастрофе, – попытался вставить Рудольф. – Пятьдесят тысяч человек в год...

– Убили, – упорствовала Джин. – Страшно даже подумать, какая жизнь ждет ребенка, у которого такой отец, как ты...

Ее нападки делали Рудольфа беспомощным. Он чувствовал себя уверенно, когда мог рассуждать логически, но отсутствие логики вселяло в него страх, смущало его, обезоруживало. Когда он вышел из комнаты, Джин бросилась лицом вниз на кушетку и, как ребенок, колотя кулаками по подушкам, зарыдала:

– Хочу домой, хочу домой...

Гретхен молчала, но тоже становилась все более и более беспокойной. Ее ждала работа, ей звонил из Нью-Йорка мужчина, красоты Лазурного берега давно утратили для нее свою привлекательность, и Рудольф понимал, что она не уезжает только из добрых чувств. Еще один долг.

Как-то раз, когда они остались одни, она тихо спросила:

– Руди, а тебе не приходило в голову просто выйти из игры?

– То есть?

– Бросить все. Ведь ты тут ни при чем. Собраться и уехать. А они, так или иначе, и без тебя не пропадут.

– Нет, – рассердился он, – мне это не приходило в голову.

– Восхищаюсь тобой, братец, – сказала Гретхен, но в тоне ее никакого восхищения не слышалось. – Восхищаюсь тобой и удивляюсь.

– Ты ведь тоже, между прочим, можешь уехать.

– Знаю, – отозвалась она. – И вовсе не намерена оставаться здесь до скончания века. А ты, если нужно, наверное, останешься.

– Если нужно. – Его не ждала работа, никто не звонил ему из Нью-Йорка.

– И еще – мне жаль тебя, братец, – добавила Гретхен. – А теперь пойду-ка я лучше к морю, понежусь на солнышке.

Кейт пока не звонила ему из своего отеля, и Рудольф был благодарен ей за это. Но он со страхом ждал минуты, когда придется пойти к ней и рассказать, что следует делать и что это для нее означает.

«Бедный Кролик Дуайер, – думал он, в очередной раз медленно шагая по узким улочкам старого города к конторе адвоката. – Бывший компаньон, бывший партнер – ему ничего не полагается ни по закону, ни по обычаю: дружба и многолетняя совместная работа весят меньше пушинки на весах Фемиды».

Единственное, что поддерживало душевное равновесие Рудольфа, – это два вечера, проведенных в отеле с Жанной. Никаких проблем, никаких железных оков любви или долга – только бездумное наслаждение, позволяющее забыться в полумраке комнаты, снятой на час-другой в чужом городе.

Не из-за этих ли двух необыкновенных вечеров в Ницце он на самом деле готов остаться здесь навсегда? Из-за игры в двойной адюльтер? И не потому ли им восхищаются и его жалеют, что он способен на ложь?

По мере приближения к конторе адвоката поступь его делалась тяжелее, а от яркого солнца он весь взмок.

Контора адвоката помещалась в его собственном доме у крепостного вала, где из двух скромных каменных жилищ, в которых некогда обитали антибские рыбаки, был сооружен великолепный современный особняк; нынешним его хозяевам ни разу не приходилось забрасывать сеть, садиться на весла или бороться со штормом. «Вот пример того, – думал Рудольф, – как вопреки распространенной экономической доктрине не бедность следует за богатством, а наоборот». Во всяком случае, богатые нынче захватывают хорошие участки, случайно доставшиеся беднякам в те далекие времена, когда они были первыми гражданами города, отражали набеги пиратов, вражеский огонь и натиск стихии.

Кабинет адвоката выглядел внушительно: шкафы со сводами законов в переплетах из телячьей кожи, навошенная элегантная темная мебель восемнадцатого века и широкое окно, смотревшее прямо на море, плещущееся о стены крепостного вала. Адвокат не уступал во внушительности своему кабинету. Это был превосходно одетый пожилой, но еще прямо державший спину лысый человек с большим носом, острым подбородком и грустными глазами. Круп-

ные ухоженные руки были испещрены коричневыми пятнами. «Можно понять его грусть, – думал Рудольф, пожимая руку старика, – если представить себе, через что ему пришлось пройти, прежде чем он стал хозяином этого кабинета».

– У меня для вас весьма важные новости, – сказал адвокат, когда Рудольф уселся напротив него за большим полированным письменным столом. Он говорил по-английски медленно, но правильно. Он провел годы войны в Англии, о чем не преминул сообщить Рудольфу. Голос у него был сочный. – Прежде всего относительно вашей супруги. Ее паспорт у меня. – Он открыл ящик стола, слегка нагнулся, вынул паспорт и толкнул по столу в сторону Рудольфа. – Полиция нашла Дановича, человека, которого им хотелось допросить более подробно. Меня уверили, что допрос был проведен... э-э... с пристрастием. Полиция неоднократно арестовывала Дановича за различные преступления, но, к сожалению, ни разу до суда дело не доходило. Кроме того, его алиби оказалось неопровержимым. Весь день он провел в Лионе у зубного врача. Что подтверждается записью в книге регистрации пациентов.

– И что это значит?

– Это значит, – пожал плечами адвокат, – пока полиция не докажет, что либо зубной врач лжет, либо у Дановича были сообщники, которым он поручил, приказал или с которыми сговорился совершить убийство, арестовать его нельзя. На данный момент улики против него нет. Полиции, разумеется, хотелось бы продолжить допрос, но в настоящее время у них нет оснований для задержания Дановича. Если, конечно... – Он умолк.

– Если что?

– Если ваша супруга не пожелает обвинить его в попытке изнасилования.

Рудольф застонал. Он знал, что Джин ни за что не пойдет на это.

– У моей жены одно желание, – сказал он. – Уехать домой.

– Я ее вполне понимаю, – кивнул адвокат. – И, кроме того, у нее нет свидетелей.

– Единственным свидетелем был мой брат, – сказал Рудольф, – но его уже нет в живых.

– В таком случае, по-моему, вашей супруге лучше как можно скорее уехать домой. Могу представить себе, каким испытанием...

«Нет, не можешь, старина, – подумал Рудольф, – даже на минуту не можешь». Он думал скорее о себе, чем о Джин.

– Кроме того, при обвинении в изнасиловании виновность очень трудно доказуема, – заметил адвокат. – Особенно во Франции.

– В Америке тоже, – отозвался Рудольф.

– Это одно из тех преступлений, где закон не всегда оказывается на высоте, – улыбнулся старик. Он уже давно привык к несправедливости.

– Она завтра же улетит отсюда, – сказал Рудольф.

– Теперь... – адвокат любовно погладил сверкающую поверхность стола, в которой его белая рука отражалась бледным пятном; с одной проблемой было тактично покончено, – по поводу вашего племянника. – Он искоса взглянул на Рудольфа; вокруг его бесцветных глаз бугрилась желтоватая сморщенная кожа. – Он не отличается общительностью. По крайней мере со мной. И, по правде говоря, с полицией тоже. На допросе отказался объяснить причину своего нападения на человека в баре. Может, он вам что-нибудь сказал? – Снова тот же хитрый стариковский взгляд искоса.

– Мне – нет, – ответил Рудольф. – Кое-что я знаю, но... – Он пожал плечами. – Но на суде это не будет иметь никакого значения.

– Итак, защиты нет. Смягчающие вину обстоятельства отсутствуют. А нападение с применением силы во французском законодательстве рассматривается как весьма серьезное преступление. – Адвокат тяжело дышал. «Либо астма, – подумал Рудольф, – либо таким манером он выражает свою гордость за цивилизацию во Франции, где удар пивной бутылкой считается чрезвычайно серьезным преступлением, в то время как американцы, по примеру первых посе-

ленцев, до сих пор лупят друг друга чем попало, притом безнаказанно». – К счастью, – продолжал адвокат, отдышавшись, – англичанин вне опасности. Через несколько дней он выйдет из больницы. У него тоже было несколько стычек с местной полицией, потому вряд ли он обратится к правосудию. Кроме того, *juge d'instruction*¹⁴, приняв во внимание возраст юноши и недавно постигшую его утрату, по соображениям гуманности распорядился в течение восьми дней доставить его либо к ближайшей границе, либо в аэропорт. Извините, так говорится по-французски, это значит в течение недели. – Адвокат снова улыбнулся, не чая души в своем родном языке. – Не спрашивайте меня почему. – Он опять погладил стол, Рудольф услышал легкое сухое шуршание. – Если юноша пожелает вернуться во Францию, чтобы продолжить образование, например... – Он негромко засопел в носовой платок, тем самым вежливо давая понять, что, по его мнению, спрос на образование в Америке не так уж велик. – Через год-другой, я уверен, все это забудется, и я помогу ему получить разрешение на въезд.

– Рад слышать, – отозвался Рудольф. – По словам его отца и мистера Дуайера, ему здешняя школа нравилась, и он очень хорошо учился.

– Ему следовало бы продолжать образование в лицее, пока он по крайней мере не получит *baccalauréat*¹⁵. Без этого в наши дни не обойтись.

– Я подумаю об этом. И, конечно, поговорю с мальчиком.

– Превосходно, – сказал старик. – Надеюсь, мой друг, вы согласитесь, что я служил вам верой и правдой и, позволю себе заметить, употребил то небольшое влияние, которым пользуюсь в этой... этой... – он впервые не сумел припомнить английского слова, – в этом *rays*¹⁶, в этом районе побережья, на благое дело.

– Очень вам признателен, мэтр, – поблагодарил его Рудольф. По крайней мере он хоть знает теперь, как полагается обращаться к французскому адвокату. – А как это все будет осуществлено? Каким образом его доставят на границу? – Он нахмурился. – Я спрашиваю потому, что никого из моих знакомых еще никогда не доставляли на границу.

– Пустяки, – отмахнулся старик. Для него это было самое обычное дело. – Если вы ровно через неделю явитесь в аэропорт Ниццы с билетом для юноши, то его привезут туда в сопровождении инспектора полиции, который и поможет посадить его в самолет, отбывающий за границу. Если угодно, в Соединенные Штаты. Поскольку инспектор будет в штатском, то никакого любопытства это не вызовет – его примут за дядю или за друга семьи, который пришел проводить мальчика и пожелать ему *bon voyage*¹⁷.

– Мальчику сказали об этом? – спросил Рудольф.

– Я лично поставил его в известность сегодня утром, – ответил адвокат.

– Что он сказал?

– Как всегда, ничего.

– Он выглядел довольным или огорченным? – допытывался Рудольф.

– Ни довольным, ни огорченным.

– Понятно.

– Я взял на себя смелость поинтересоваться расписанием американских авиакомпаний, которые обслуживают Ниццу. Самым удобным, по-моему, был бы самолет, вылетающий в десять тридцать утра.

– Я буду в аэропорту, – сказал Рудольф. Он взял паспорт Джин и положил его в карман.

---

¹⁴ Судебный следователь (*фр.*).

¹⁵ Степень бакалавра (*фр.*).

¹⁶ Крае (*фр.*).

¹⁷ Приятного путешествия (*фр.*).

– Я должен сделать вам комплимент, мсье Джордах, – добавил старик. – Я восхищен тем, как спокойно, по-джентльменски уравновешенно вы держались во время этих ужасных событий.

– Благодарю вас. – «Стоит мне выйти из его красивого кабинета, – думал Рудольф, – как я утрачу все свое спокойствие и сразу перестану быть по-джентльменски уравновешенным». Он начал подниматься и вдруг почувствовал, что у него кружится голова и он вот-вот потеряет сознание. Чтобы не упасть, ему пришлось опереться рукой о стол.

– Чересчур плотный обед? – удивленно посмотрел на него старик.

– Я еще не обедал. – Он не обедал уже семь дней.

– За здоровьем нужно следить, – сказал старик, – особенно за границей.

– Дать вам мой адрес в Соединенных Штатах, – спросил Рудольф, – чтобы вы могли прислать мне счет за оказанные услуги?

– В этом нет необходимости, мсье, – спокойно ответил старик. – Мой клерк уже все сделал, счет ждет вас в приемной. И не утруждайте себя возней с франками. Меня устроят и доллары, если вы будете любезны переслать чек в женевский банк, адрес которого указан в счете.

Старый адвокат, чья внешность внушала почтение, а профессиональные качества заставляли снять перед ним шляпу, владелец кабинета с мебелью восемнадцатого века и видом на море, а также не подлежащего обложению налогом счета в швейцарском банке, медленно, помня о своих преклонных летах, поднялся с места, пожал Рудольфу руку и проводил его до дверей со словами:

– Enfin¹⁸ позвольте мне еще раз выразить соболезнование вам лично и вашей семье. Я надеюсь, что все случившееся не помешает вам в будущем вновь посетить этот прекрасный уголок земного шара.

«Начнем с самого главного», – думал Рудольф. Он вышел из конторы адвоката и зашагал к порту. Путь его лежал вдоль крепостного вала, мимо музея Гримальди с картинами Пикассо. Прежде всего надо покончить с дурными новостями, то есть повидать Дуайера и Кейт. Он обязан рассказать им о вчерашней беседе с Хитом. Хорошо бы сразу обоим, чтобы не было никаких недоразумений, никаких подозрений в тайном сговоре. А потом он пойдет к Джин и Гретхен с хорошими новостями, объявит им, что они могут ехать домой. Перспектива встречи со всеми этими людьми его не радовала. Потом придется еще раз побывать в тюрьме – следует решить, где, как и с кем Уэсли будет жить в Америке. Эта беседа – самая трудная. Хорошо бы мальчишка побрился. И принял душ.

Рудольф остановился и посмотрел на море. На другой стороне залива Ангелов лежала Ницца. Залив Ангелов. Французы не очень-то раздумывают при выборе названий. Например, Антиб. Греческие поселенцы назвали его Антиполис, то есть «Напротив города». Какого города? До Афин нужно было плыть тысячу миль на галере. Может, греки скучали по дому? Он сам ни по какому дому не скучал. Счастливые греки! Какие были тогда законы? Что, по мнению тогдашних неподкупных судей, было бы справедливым наказанием мальчишке, который в таверне ударил человека по голове пивной бутылкой?

Вокруг него даже на узкой, выложенной камнем дороге, идущей вдоль крепостного вала, бурлило движение. Когда-то Антиб был сонным, позабытым Богом и людьми городишком, теперь же стал прибежищем фаворитов или жертв двадцатого века, убежавших от зимы в теплые края, чтобы жить здесь и работать, а не только играть в рулетку. Цветы и легкая промышленность. Он сам был человеком севера, но не отказался бы провести несколько лет на юге. Не случилось то, что случилось, он мог бы уютно здесь устроиться и жить тихо и незаметно, с облегчением, как это делают некоторые, удалившись от дел в неполные сорок лет. Эlemen-

---

¹⁸ И в заключение (фр.).

тарное знание французского языка у него есть – с Жанной-то он разговаривает, мог бы еще подзаняться, научился бы читать Виктора Гюго, Жида, Кокто, новых писателей, стоящих того, чтобы их читали, ездил бы в Париж в театры. Мечты. Он может жить в любом месте, но только не в этом прекрасном уголке, где все будет напоминать о случившемся.

Он снова зашагал вдоль крепостного вала по направлению к порту. Он попросит Дуайера найти Кейт, и они посидят в кафе, потому что Кейт сказала, что больше не хочет видеть «Клотильду». Может, конечно, теперь она передумала, ибо не отличалась сентиментальностью, но уж он-то, во всяком случае, ее принуждать не будет.

Как раз у входа в порт было небольшое кафе для моряков. За крошечным столиком на террасе сидели Дуайер и спиной к Рудольфу какая-то женщина. Он окликнул Дуайера, женщина повернулась, и он узнал Кейт. Она похудела, а может, так кажется из-за черного платья. Ореховый загар ее поблек, волосы причесаны небрежно. Он почувствовал приступ гнева или чего-то похожего. Знает же, что он изо всех сил старается ей помочь, и даже не потрудились известить его, где живет, а теперь сидит с Дуайером на солнышке – точно муж с женой обсуждают свои дела. Она встала, чтобы поздороваться, и Рудольф смутился.

– Можно присесть к вам на минутку? – спросил он. Разные бывают минутки.

Дуайер молча придвинул стул от соседнего столика. Он был, как всегда, в белом свитере с короткими рукавами и названием яхты на груди, на загорелых руках боксера легчайшего веса играли мускулы. Траур был у него в душе.

– Что будете пить? – спросил Дуайер.

– А вы что пьете?

– Пастис.

– Нет, это не для меня, – отказался Рудольф. – Можно мне рюмку коньяку?

Дуайер пошел в кафе за коньяком. Рудольф посмотрел на Кейт. Она сидела напротив него неподвижно, с бесстрастным лицом. «Словно мексиканская крестьянка, – подумал Рудольф, – которая, покончив с делами, присела на солнце у стены хижины в ожидании возвращения мужа с поля». Кейт опустила глаза, не хотела смотреть на него, окружила свои несложные мысли глинобитной стеной. Он ощутил ее неприязнь. Не был ли прощальный поцелуй перед ее уходом с «Клотильды» лишь насмешкой? Или он был искренним, от всего сердца, и потом она об этом пожалела?

– Как Уэсли? – спросила она, по-прежнему не поднимая взгляда. – Кролик мне обо всем рассказал.

– Ничего. Ему разрешили через неделю покинуть Францию. Скорей всего он вернется в Штаты.

Она кивнула:

– Так я и думала. – Голос ее был тихим и безучастным. – Для него это лучше. Нечего ему здесь болтаться.

– Напрасно он затеял эту драку, – заметил Рудольф. – Такая глупость! Не понимаю, что на него нашло.

– Может, он прощался с отцом, – предположила Кейт.

Рудольфу стало стыдно за свои слова, и он промолчал.

Он чувствовал себя так, как в тот день, когда, выйдя из консульства, плакал прямо на улице. Не мокрые ли у него щеки и сейчас?

– Вы знаете его лучше меня, – наконец отозвался он и решил переменить тему. – А вы-то сами как? – спросил он, стараясь говорить с участием.

Она сердито хмыкнула.

– Неплохо, насколько это возможно, – ответила она. – Кролик составляет мне компанию.

«Может, им пожениться? – подумал Рудольф. – Они люди одного толка. Прошли одну и ту же суровую школу. Составляют друг другу компанию, как она выразилась».

– А я надеялся, что вы позвоните, – солгал он.

Она подняла глаза, посмотрела на него.

– Я знала, где вас разыскать, – ровным тоном сказала она, – если б хотела с вами попроситься.

Кролик принес коньяк и еще два пастиса. Рудольф смотрел, как они подливают в рюмки воду и пастис становится желтовато-молочным.

– Выпьем за... – Рудольф машинально поднял рюмку. Замолчал, неуверенно рассмеялся. – Нет, пожалуй, не за что. – Коньяк оказался крепким, и Рудольф чуть ойкнул, почувствовав, как ему обожгло горло. – Есть новости, о которых, мне представляется, вам следует знать... – «Перестань говорить так, будто выступаешь перед членами правления», – укорил он себя. – Хорошо, что я застал вас обоих вместе... – И постарался как можно доступнее объяснить значение того, что сказал ему Хит. Они слушали вежливо, но равнодушно. Он чуть не закричал: «Неужели вас не интересует ваше собственное будущее?»

– Мне не хочется быть этим, как его... – тихо сказала Кейт.

– Администратором наследства. – Хит предупредил его, что выбор судьи падет, по-видимому, именно на нее.

– Администратором наследства, – повторила Кейт. – Я в этом ничего не понимаю. И, кроме того, я собираюсь вернуться в Англию. В Бат. Там у меня мама, я смогу получить на ребенка пособие, а когда устроюсь на работу, мама будет его нянчить.

– На какую работу? – спросил Рудольф.

– Я была официанткой в ресторане, пока не откликнулась на зов моря, – усмехнулась Кейт. – Официантки всегда нужны.

– Когда дела покойного будут улажены, – заметил Рудольф, – останутся деньги. Вам не обязательно работать.

– А что мне тогда делать? – спросила Кейт. – Весь день смотреть телевизор? Нет, я не умею зря копить небо. – Тон ее был вызывающим, она явно намекала, что считает и его самого, и его женщин такими небокопителями. – А если останутся кое-какие деньги – не думаю, что много, после всех этих адвокатов и прочих, – я отложу их на образование ребенка. Получит образование, так ей, если будет девочка, может, не придется, как ее мамаше, прислуживать за столом или гладить дамам платья в судовой прачечной.

Спорить с ней было бесполезно.

– Если вам что-нибудь понадобится, – уже ни на что не надеясь, предложил он, – пожалуйста, дайте мне знать.

– Мне ничего не понадобится, – сказала она, снова опустив глаза и вертя в руках рюмку.

– Как знать, – отозвался Рудольф. – Вдруг вам захочется побывать в Америке?

– Меня Америка не интересует, – упорствовала она. – В Америке надо мной будут смеяться.

– А повидаться с Уэсли?

– Пожалуй, – согласилась она. – Но если ему захочется меня видеть, из Америки в Лондон каждый день летают самолеты.

– Тем не менее, – продолжал Рудольф, стараясь, чтобы в его голосе не было слышно умоляющих ноток, – пока наследственные дела не закончены, вам наверняка понадобятся деньги.

– Нет, – отрезала Кейт. – У меня есть сбережения. Я заставляла Тома платить мне жалованье, как и прежде, хотя мы уже спали в одной постели и решили пожениться. Я ему говорила: любовь – это одно, а работа – другое. – После этой гордой декларации своего понимания жизни она наконец подняла рюмку и сделала несколько глотков.

– Как угодно. – Рудольф не мог скрыть раздражения. – Вы так говорите, будто я ваш злейший враг.

Она уставилась на него пустыми глазами мексиканской крестьянки.

– Разве я сказала вам что-нибудь такое, из чего можно заключить, что я считаю вас своим врагом? Вот Кролик не даст соврать.

– Я, по правде говоря, не очень-то прислушивался, – смущенно отозвался Дуайер. – И ничего сказать не могу.

– А вам? – Рудольф повернулся к нему. – Вам тоже не нужны деньги?

– Я всегда умел экономить, – ответил Дуайер. – Том часто дразнил меня жмотом и сквалыгой. Спасибо, но деньги у меня есть.

Потерпев полное поражение, Рудольф допил коньяк.

– Дайте мне хоть свой адреса, – попросил он. – Чтобы я мог поддерживать с вами контакт.

– Оставьте здесь, в порту, адрес Уэсли, – сказала Кейт. – Я буду сюда писать время от времени, и ему перешлют открытку. Должна же я сообщить ему – брат у него или сестра.

– Я еще не знаю, где будет Уэсли, – сказал Рудольф. Он охрип. У него саднило в горле от коньяка и от усилий, которые пришлось приложить для беседы с этими упрямыми. – Пишите на мой адрес, а я постараюсь передать письмо ему.

Кейт долго смотрела на него, потом снова поднесла рюмку ко рту и сделала несколько глотков.

– Мне бы не хотелось, чтобы ваша жена читала мои письма, – заявила она, ставя рюмку на стол.

– Моя жена не вскрывает адресованных мне писем, – ответил Рудольф. Он уже с трудом сдерживался.

– Слава Богу, хоть на это у нее хватает порядочности, – отозвалась Кейт, и в глазах у нее зажегся зловещий огонек. Или ему показалось?

– Я пытаюсь лишь помочь, – устало сказал Рудольф. – Я чувствую себя обязанным... – Он замолчал, но было уже поздно.

– Очень вам признательна, – ответила Кейт, – но мне вы ничем не обязаны.

– Пожалуй, не стоит говорить об этом, мистер... Руди, – вмешался Дуайер.

– Ладно, не будем. Я пробуду в Антибе еще по меньшей мере неделю. Когда вы возвращаетесь в Англию, Кейт?

Кейт разгладила платье на коленях.

– Как только соберу вещи.

Рудольфу вспомнился ее единственный потрепанный чемодан из искусственной кожи, который вынес с «Клотильды» Уэсли. Чтобы собрать вещи, ей, наверное, требуется минут пятнадцать, не более.

– Сколько, по-вашему, это займет времени? – терпеливо переспросил Рудольф.

– Трудно сказать, – ответила Кейт. – Неделю. Две. Мне нужно кое с кем попрощаться.

– Но у меня по крайней мере должен быть ваш адрес, – не сдавался Рудольф. – Вдруг понадобится подписать у нотариуса какую-нибудь бумагу...

– Кролик знает, где я живу, – ответила она.

– Кейт, – тихо сказал Рудольф, – я хочу быть вашим другом.

– Дайте мне время, – кивнув, сурово отозвалась она. Тогда, в кают-компании «Клотильды», она просто ничего не чувствовала, а потому и поцеловала его на прощание. За эту неделю она озлобилась. Но разве она виновата?

– А вы? – повернулся Рудольф к Дуайеру. – Сколько вы пробудете в Антибе?

– Вам это лучше знать, Руди, – ответил Дуайер. – Я буду на «Клотильде», пока меня не прогонят. На днях привезут новый вал и новый винт, потом ей придется постоять в доке дня три самое меньшее, если, конечно, к тому времени выплатят страховку... Знаете что: если хотите сделать доброе дело, помогите получить страховку, а? На них надо нажать, иначе они будут тянуть без конца. А вы лучше меня умеете с ними разговаривать. Поэтому, если...

– Идите вы к черту с вашей страховкой, – не выдержал наконец Рудольф. – Сами ею занимайтесь.

– Не к чему кричать на Кролика, – спокойно заметила Кейт. – Он просто хочет привести судно в порядок, чтобы, когда будете продавать, оно не казалось трухлявой посудинкой.

– Извините, – сказал Рудольф. – У меня за это время было столько всего...

– Конечно, конечно, – согласилась Кейт. По тону не поймешь, всерьез она говорит или иронизирует.

– Мне пора в отель. – Рудольф встал. – Сколько я должен?

– Да что вы, что вы? – заспешил Дуайер. – Я заплачу.

– Буду держать вас в курсе дела, – пообещал Рудольф.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответил Дуайер. – Мне бы хотелось повидаться с Уэсли перед отъездом.

– Тогда вам придется приехать в аэропорт, – сказал Рудольф. – Его привезут туда прямо из тюрьмы. В сопровождении полицейского.

– Французские полицейские! – усмехнулся Дуайер. – Из их рук нелегко выбраться. Передайте Уэсли, что я буду в аэропорту.

– Всего вам хорошего, – попрощался Рудольф. – Будьте здоровы.

Они ничего не ответили, сидели молча – рюмки стояли на столе, – теперь уже в тени, потому что солнце, уходя на запад, скрылось за зданием на другой стороне улицы. Рудольф помахал им рукой и зашагал к туристическому агентству, чтобы купить три билета на завтрашний рейс.

Муж с женой – им и вправду следовало бы пожениться. «Что со мной такое? – с горечью размышлял он, проходя мимо антикварных магазинов, сырных лавок и газетных киосков. – Откуда у меня такая уверенность, что я могу обо всех заботиться? Решительно обо всех. Я похож на глупую гончую на собачьих бегах. Как только я чую ответственность – мою, не мою, любого человека, – я начинаю гнаться за ней, как собака гонится за механическим зайцем, даже если заранее знает, что не может его поймать. Какой болезнью я заразился еще в молодости? Суетностью? Тщеславием? Боязнью не понравиться окружающим? Это что, вместо религии? Хорошо, что мне не пришлось участвовать в войне: меня убили бы в первый же день собственные солдаты, застрелили бы за то, что помешал им отступить или вызвался пойти за боеприпасами для попавшего в засаду орудия. В следующем году, – наказал он себе, – надо будет научиться посылать всех и каждого подальше».

6

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

Моника меня сегодня сбила с толку. Она проверяла текст речи, которую переводила с французского на английский, и вдруг, подняв глаза, сказала: «Я только что заметила, что и в английском, и во французском языке, да и в большинстве других тоже, глаголы «иметь», «быть», «идти» и «умереть» все неправильные. Из них лишь глагол «умереть» спрягается более или менее по правилам. А это значит, что человечество чувствует себя неуверенно в самых своих основных действиях: существовании, обладании, движении, смерти. Что оно пытается отказаться, избавиться, уйти от наиболее активной деятельности. А вот глагол «убивать» – правильный глагол. Тут все ясно и определено. Как, по-твоему, есть в этом смысл?»

Я сказал: «Хорошо, что я не переводчик». Но ее мысль меня заставила задуматься, и я полночи не спал, размышляя о себе и о своем отношении к языкам.

Вернувшись в отель, Рудольф застал Гретхен в баре. Она пила коктейль и беседовала с молодым человеком в теннисном костюме. «В последние дни она довольно много пьет, что для нее вовсе не характерно, и заговаривает с первыми попавшимися мужчинами, что, – с усмешкой подумал Рудольф, – для нее весьма характерно». Действительно ли он слышал ночью за дверью тихие шаги в сторону ее номера? Но, вспомнив Ниццу, он подумал, что вряд ли имеет право упрекать ее. Собственно, а почему бы ей и не искать развлечений, если они помогают избавиться от одиночества?

– Позвольте представить вам моего брата Рудольфа Джордаха, – сказала она, когда Рудольф подошел к столику, за которым они сидели. – Бэзил... Я забыла вашу фамилию, милый.

«Наверное, выпила уже не меньше трех коктейлей, – подумал Рудольф, – если называет «милым» человека, чью фамилию не в силах вспомнить».

Молодой человек встал. Он был высокий, стройный, похожий на актера, с крашеными волосами, довольно смазливый.

– Берлинг, – чуть поклонившись, отрекомендовался молодой человек. – Ваша сестра рассказывала мне о вас.

«Берлинг, Бэзил Берлинг, – думал Рудольф, кивнув в ответ. – Кто этот Бэзил Берлинг? Англичанин, вероятно, судя по произношению».

– Не присядете ли с нами? – спросил Бэзил Берлинг.

– Только на минуту, – не слишком любезно отозвался Рудольф. – Нам с сестрой нужно кое-что обсудить.

– Мой брат – большой любитель обсуждений, – вставила Гретхен. – Не вздумайте с ним что-либо обсуждать.

«Нет, не три, а четыре коктейля», – решил Рудольф.

Подошел официант.

– Что вы будете пить, сэр? – почтительно спросил Бэзил Берлинг, член английского профсоюза актеров; он, несомненно, много работал над речью, понимая, что окончил посредственную школу.

– То же, что и вы, – ответил Рудольф.

– Три раза то же самое, – сказал Бэзил Берлинг официанту.

– Он хочет меня сподать, – пожаловалась Гретхен.

– Вижу.

– Рудольф – главный трезвенник в нашей семье, – скорчила гримасу Гретхен.

– Кому-то ведь надо им быть.

– О Господи, сейчас начнется, – вздохнула Гретхен. – Бэзил... Как, вы сказали, ваша фамилия, милый?..

«Она больше притворяется, – подумал Рудольф. – Чтобы позлить меня. Я сегодня у всех на прицеле».

– Берлинг, – так же почтительно повторил молодой человек.

– Мистер Берлинг – актер, – сказала Гретхен. – Подумать только, какое совпадение, – полунаивно-полупьяно восхищалась она, – совершенно случайно встретились здесь, в баре, на краю света, и выясняется, что мы оба работаем в кино, а? – Передразнивая молодого человека, она старалась говорить на английский манер, но он, по-видимому, и не думал обижаться.

– Нет, серьезно? – В голосе англичанина звучало удивление. – В самом деле? Как же я сам не догадался.

– Ну, не комплимент ли это! – Гретхен игриво дотронулась до руки Рудольфа, словно забыв, что он ее брат. – Я должна открыть вам страшную тайну, – улыбнулась она Бэзилу Берлингу и сделала очередной глоток. – Я не кинозвезда.

– Не может быть! – с наигранным удивлением воскликнул Берлинг.

«Пора от него отделаться, – подумал Рудольф, – не то придется просить помощи у швейцара».

– Да, – продолжала Гретхен, – я за кадром. Я из девочек с трауром под ногтями. По уши в ацетатной пленке. Я занимаюсь монтажом. Вот моя тайна и открыта. Я обычный скромный монтажёр.

– Вы делаете честь своей профессии, – сказал Бэзил Берлинг.

«Избави Бог оказаться свидетелем чужого ухаживания», – подумал Рудольф, когда Гретхен сказала: «Вы очень любезны» – и погладила Берлинга по руке. Любопытно, как она ведет себя в постели, много ли у нее было мужчин и сколько сейчас. Если спросить, она скажет.

– Гретхен, – обратился к ней Рудольф, когда она, склонив голову, уж слишком нежно смотрела на актера. – Я должен подняться вверх и сказать Джин, что она может собираться. Ее паспорт у меня, она, наверное, захочет улететь завтра же. Но сначала мне нужно поговорить с тобой.

Гретхен скорчила гримасу. Рудольф чуть не дал ей пощечину. После всех сегодняшних событий он еле сдерживался.

– Допейте, милый, – сказала Гретхен Берлингу. – Мой брат – человек деловой, пчелка, трудолюбиво перелетающая с цветка на цветок.

– Разумеется. – Актер встал. – Надо, пожалуй, переодеться. Я сыграл три партии в теннис, и не миновать мне простуды, если я не переоденусь.

– Спасибо за угощение, – поблагодарила его Гретхен.

– Да что вы, что вы!

Дуайер тоже сказал: «Да что вы!» – вспомнил Рудольф. «Все сегодня чересчур вежливы, – кисло подумал он. – Кроме меня».

– Вечером увидимся, Гретхен? За ужином? – спросил Берлинг. «Высокий, но ноги тонкие и жилистые, – заметил Рудольф. – Я лучше выгляжу в теннисных шортах», – мстительно подумал он.

– Наверное, – ответила Гретхен.

– Рад был познакомиться с вами, сэр, – обратился Берлинг к Рудольфу.

Рудольф пробурчал что-то в ответ. Раз его называют «сэром», словно он уже стоит на краю могилы, то можно позволить себе быть раздражительным, как и положено в таком возрасте.

Брат и сестра смотрели вслед актеру, ступавшему по паркету пружинистым, энергичным шагом.

– Господи, Гретхен, – взмолился Рудольф, когда актер скрылся из виду, – и где ты только их находишь?

– В это время года не очень-то приходится выбирать, – сказала Гретхен. – Хватаешь, что подворачивается под руку. А какую неприятность ты так торопишься мне сообщить? – Рудольф видел, что она вовсе не пьяна.

– Насчет Инид, – ответил он. – Мне хотелось бы, чтобы ты полетела завтра вместе с Джин и Инид и приглядела за ней. Или скорей за ними обеими.

– О Господи, – простонала Гретхен.

– Я не могу доверить Джин мою дочь, – угрюмо продолжал Рудольф.

– А ты сам не летишь?

– Нет. У меня еще масса дел. И когда вы прилетите в Нью-Йорк, поживи с ними в моей квартире. Миссис Джонсон в Сент-Луисе, ее не будет еще с неделю.

– Господи помилуй, Руди, – взмолилась Гретхен, – я уже не в том возрасте, чтобы ходить в няньках.

– После всего, что я для тебя сделал... – рассердился Рудольф.

Гретхен откинула голову и закрыла глаза, чтобы удержаться от грубости.

– Незачем ежедневно напоминать мне, что ты для меня сделал, – не открывая глаз, процедила она.

– Ежедневно? – уцепился за ее слова Рудольф. – Когда я тебе это говорил в последний раз?

– Не обязательно вслух, дорогой братец. – Она открыла глаза и выпрямилась. – Ладно, не будем спорить. – Она встала. – Считаю, что няньку ты нанял. Во всяком случае, я рада вернуться туда, где убийства бывают только в газетах, а не в лоне собственной семьи. Когда летит самолет?

– В одиннадцать тридцать. Твой билет у меня.

– Ты все продумал, да?

– Да. Все.

– Что бы я без тебя делала, братец? – сказала Гретхен. – Ладно, пойду собираться. – Она улыбнулась, но он заметил, что улыбка далась ей нелегко. – Мир?

– Мир, – ответил он.

По пути к лифту он остановился возле портье взять ключ.

– Пока вас не было, мистер Джордах, – сказал портье, – заходила дама и оставила для вас письмо.

Он протянул Рудольфу ключ и конверт. На конверте женским почерком, который показался ему знакомым, была написана только его фамилия. В лифте он разорвал конверт и вынул из него листок бумаги.

Письмо было от Жанны.

Милый мой американец!

Пожалуйста, не звони мне. Ты, наверное, понимаешь почему. Я сама позвоню тебе, как только смогу. Через неделю, а то и две. Может случиться так, что в Париже навсегда откажутся от войны. Надеюсь, что ты проводишь время в Антибе весело и не спешишь с отъездом. Я очень скучаю без тебя. Если захочешь мне написать, пиши до востребования на Главный почтамт Ниццы. Надеюсь, что в письме нет ошибок. Будь осторожен за рулем.

Жанна

Он смял письмо, сунул его в карман, вышел из лифта, подошел к двери номера и, приняв достойный вид, вставил ключ в замочную скважину.

Джин стояла у окна и смотрела на море. Когда он вошел, она не повернулась. Ее юная и стройная фигура в полотняном летнем платье, заключенная в рамку открытого окна, темным силуэтом вырисовывалась на фоне вечернего неба. Она напомнила ему девушек из колледжа, которые танцевали на университетских балах, где он, чтобы подработать, играл в оркестре на трубе. Стоя в дверях и видя эту иллюзию незащищенной молодости, он вдруг почувствовал непрощенный, ненужный прилив жалости.

– Добрый вечер, Джин, – сказал он и шагнул к ней.

Она медленно повернулась. Он заметил, что ее мягкие, до плеч, волосы уложены, лицо подкрашено. Пожилая женщина, какой она когда-нибудь станет, исчезла.

– Добрый вечер, – печально ответила она. Голос ее тоже стал обычным; впрочем, нет – обычно он был хриплым от алкоголя, злости или самобичевания.

– Вот, пожалуйста. – Он протянул ей паспорт. – Сегодня его вернули адвокату.

– Спасибо, – сказала она.

– Я взял билеты на завтрашний самолет. Можешь лететь домой.

– Спасибо, – снова поблагодарила она. – А ты?

– Я пробуду здесь еще самое меньшее неделю.

Она кивнула, открыла паспорт, посмотрела на свою фотографию и, грустно покачав головой, бросила паспорт на стол.

– Самое меньшее неделю... – повторила Джин. – Ты, наверное, устал.

– Ничего.

Он опустил в кресло. Только сейчас он почувствовал настоящую усталость. Спал он плохо, среди ночи его будили плохие сны.

– Как Инид? – спросил он.

– Ничего, – ответила Джин. – Я возила ее сегодня в Жуан-ле-Пэн и купила ей детскую тельняшку. Она в ней очаровательна и не отходит от зеркала. Она сейчас ужинает вместе с няней.

– Я попозже зайду пожелать ей спокойной ночи, – сказал он. Он расстегнул воротничок, распустил галстук. – Гретхен полетит вместе с вами, – добавил он.

– Это вовсе не обязательно, – отозвалась Джин, но без тени неудовольствия. – Она, наверное, предпочла бы задержаться. Погода превосходная, и я видела, что ее провожал с пляжа красивый молодой человек.

– Ей нужно побыстрее в Нью-Йорк, – сказал он. – Я попросил ее пожить с тобой и Инид, пока миссис Джонсон не вернется из Сент-Луиса.

– Ей будет с нами тоскливо, – возразила Джин. – Я могу и сама присмотреть за Инид. Мне все равно нечего делать. – И снова спокойно, без тени неудовольствия или вызова.

– По-моему, лучше, если рядом будет Гретхен, – осторожно сказал он.

– Как хочешь. Хотя ты знаешь, неделю я могу не пить.

– Знаю, – подтвердил он. – Но, как говорится, береженого Бог бережет.

– Я тут думала о нас, – снова спокойно, без враждебности сказала она. – О том, через что нам пришлось пройти.

– Почему бы не забыть о том, через что нам пришлось пройти? – спросил Рудольф. У него не было настроения выслушивать подготовленные заранее речи.

– Я думала о нас, – ровно, без враждебности повторила она. – Ради твоего блага и ради блага Инид мы должны развестись.

«Наконец-то», – подумал он. Хорошо, что не он первым произнес это слово.

– Почему бы нам не повременить с этим разговором? – ласково спросил он.

– Как хочешь. От меня тебе толку мало. Да и ей тоже. Я тебе больше не нужна... – Джин подняла руку, хотя он вовсе не собирался перебивать ее. – Ты уже целый год не заходил ко мне в спальню. А здесь у тебя кто-то есть, я знаю. Пожалуйста, не отрицай.

– Я и не собираюсь, – сказал он.

– Ты ни капельки не виноват, милый, – сказала она. – Я уже много лет мешаю тебе. Другой бы на твоём месте давным-давно бросил меня. И никто бы его не осудил. – Она криво улыбнулась.

– Может, нам подождать, пока мы не вернемся домой, в Америку... – начал он, хотя чувствовал, что тяжкий груз сваливается у него с плеч.

– Я предпочитаю поговорить сегодня, – возразила она, впрочем, не слишком настойчиво. – Я весь день думала о нас, больше недели я не брала в рот ни капли спиртного, и в таком здравом уме и твердой памяти, как сейчас, я, наверное, никогда больше не буду. Неужели тебе не интересно узнать, о чем я думаю?

– Мне не хотелось бы, чтобы ты потом жалела о сказанном.

– Жалела! – Она неловко взмахнула рукой, словно отгоняя осу. – Я всегда жалею о сказанном. И почти всегда о сделанном. Послушай внимательно, милый. Я алкоголичка. Я себя ненавижу, но я алкоголичка и такой останусь навсегда. Вылечиться от этого невозможно.

– До сих пор мы не очень старались, – сказал он. – В тех заведениях, где ты была, по-видимому, недостаточно внимательно к тебе подошли. Существуют другие клиники, в которых...

– Можешь отправить меня в любую клинику в Америке, – сказала она. – Пусть любой психиатр копается в моих снах. Пусть мне дают антабус, от которого меня рвет до изнеможения. Все равно я буду пить. И орать на тебя, как мегера, и позорить тебя... Помнишь, как я это делала, и не раз... Буду просить прощения и снова делать то же самое, буду садиться за руль пьяная и подвергать опасности жизнь моей дочери, буду, ничего не помня, искать новую бутылку, и так до тех пор, пока не умру в один прекрасный день. Хорошо бы он наступил поскорее, потому что у меня не хватает духу покончить с собой, и за это я тоже ненавижу себя...

– Прошу тебя, Джин, не говори так, – сказал Рудольф. Он встал и подошел к ней, но она отступила, словно боясь его прикосновения.

– Сейчас я не пьяная, – сказала она, – я не пила уже больше недели, поэтому давай воспользуемся этим прекрасным, неожиданным моментом, посмотрим на вещи трезво и сделаем трезвые, на удивление всему свету, выводы. Я уеду куда-нибудь подальше, с глаз долой, например в Мексику. Достаточно далеко, а? В Испанию? Знаешь, я ведь говорю по-испански. В Швейцарию? Там, мне сказали, есть необыкновенные больницы, где за два-три месяца добиваются отличных результатов.

– Хорошо, – согласился он. – Уезжай периодически на два-три месяца. Независимо от того, разведемся мы или нет.

– И не будем делать вид, что я в состоянии работать. – Ничто не могло остановить этот монотонный голос – голос человека, одержимого навязчивой идеей. – Правда, благодаря покойному папочке я могу жить, ни в чем себе не отказывая, даже расточительно. Только помоги мне перевести капитал на имя Инид и оформить опеку, потому что вдруг я буду пьяная, а мне повстречается какой-нибудь красавчик итальянец, который захочет хитростью выманить у меня все мое состояние. А чтобы ты не терзался из-за того, что пренебрег мною и отпустил одну бродить по этому темному и опасному миру, я найму какую-нибудь славную, полную сил молодую женщину, которая составит мне компанию и будет рядом, когда я напьюсь до бесчувствия... Или найдет мне, когда нужно, мужчину.

– Замолчи! Хватит! – перебил он.

– Не сердись, милый мой пуританин, – засмеялась она. – Истина в том, мой дорогой, что я устала бороться. Даже солдаты армии конфедератов и те в конце концов сдались. Я не

способна больше маневрировать. Дошла до своего Аппоматокса. Как видишь, кое-что я еще помню. Я в отчаянии. Я больше не могу сражаться. Не могу бороться с тобой, с алкоголем, с чувством вины и с нашим браком, что бы это слово ни значило сейчас для нас обоих. Время от времени, когда я буду в нормальном состоянии, я буду появляться в сопровождении моей компаньонки и навещать Инид. Тебе не обязательно при этом присутствовать. Сегодня, пожалуйста, ничего не говори, но утром, когда будешь сажать меня в самолет, помни, что я предложила, и восхищайся моим самоотречением. Соглашайся, пока я не передумала, не то я всю жизнь буду висеть камнем у тебя на шее.

– Послушай, – начал он, – когда ты уедешь отсюда, вырвешься из этой мрачной атмосферы, ты...

– Между нами говоря, мы и твою жизнь вконец испоганили, – продолжала она. – А ты ведь не молодеешь. Ты не должен сидеть перед камином и глядеть в огонь еще пятьдесят лет, ты должен действовать. Скажи сегодняшнему дню спасибо. Хватайся за мое предложение. Известно, долго ли оно останется в силе. А сейчас я знаю: у тебя был длинный и трудный день, ты хочешь побриться, принять горячий душ, переодеться, выпить martini и поужинать. Пока ты будешь мыться, я закажу тебе martini. Не бойся, до приезда в Нью-Йорк я и капли в рот не возьму. У меня бывают приливы сверхчеловеческой силы воли. А потом, пожалуйста, пригласи меня поужинать. Мы будем вдвоем, только ты и я, и будем говорить о разных вещах, например, о том, как тебе жить дальше, где должна учиться Инид, на какой женщине тебе в конце концов следует жениться и с кем ты спишь здесь, на Лазурном берегу. А когда уже станет поздно и мы оба устанем, мы вернемся в наш прекрасный, безумно дорогой номер в отеле, и ты позволишь мне лечь с тобой в твою постель, потому что завтра я улетаю в Америку, а ты, пока погода не испортилась, останешься здесь распутывать те узлы, что я навязала.

Он встал, подошел к ней и обнял. Ее била дрожь. Лицо у нее пылало, она горела как в лихорадке.

– Извини меня, – прошептала она и, уткнувшись лицом ему в грудь, обхватила его руками. – Мне, наверное, следовало сказать все это давным-давно... может, еще до нашей свадьбы, только, по-моему, я тогда была совсем другая.

– Тсс, – беспомощно прошептал он. – Вот приедешь домой, и все представится тебе в ином свете.

– Когда я приеду домой, – ответила она, – изменится только то, что я стану на день старше. – Она высвободилась из его рук и с трудом улыбнулась. – Отчего никак нельзя испытывать большую радость. А теперь иди под душ. Когда ты выйдешь, я несколько утрачу свое красноречие, зато на столе, напоминая тебе о том, что не все потеряно, будет стоять martini. Я составлю тебе компанию, но буду пить только кока-колу.

Под душем он позволил себе заплакать. В какой-то момент их совместной жизни ее, по-видимому, еще можно было спасти. Но он был слишком занят, слишком озабочен другими делами, чтобы уловить этот момент и прийти ей на помощь, когда путь к спасению еще оставался открытым.

Почему-то никак не удавалось отрегулировать воду. Она получалась то чересчур горячей, то ледяной.

Он вылез, растерся мохнатым полотенцем, глядя на себя в большое зеркало и стыдясь своего сильного, мускулистого тела, виновного в нарушении супружеской верности.

Он медленно оделся. Прикосновение дорогой, превосходно сшитой одежды было ему приятно. Тонизирующее средство для тела. Он надел тонкую шерстяную рубашку, мягкие кашемировые носки, хорошо отутюженные брюки из фланели, удобные, начищенные до блеска мокасины (спасибо беднякам в ночных коридорах), отлично пригнанный пиджак в полоску. Сейчас Гретхен не могла бы сказать, что он недавно переспал с женщиной.

Когда он снова вошел в гостиную, мартини был на столике возле кушетки, а Джин стояла у окна, глядя в благоухающий ароматом мрак, простроченный ярким пунктиром разноцветных огней, уходивших на запад от Антибского полуострова. Горела только одна лампа. В руке у Джин был стакан с кока-колой. Она обернулась на звук его шагов.

– Пока ты был в душе, звонила Гретхен. Я сказала ей, что мы будем ужинать одни. Ты не против?

– Конечно, нет.

– Ее пригласил на ужин какой-то приятель – так она по крайней мере сказала.

– Я его видел, – отозвался Рудольф.

– Выпьем за... – Она подняла стакан. – За что же мы выпьем? – Она улыбнулась. В полумраке комнаты она казалась красивой и молодой. – Скажем, за развод! – И отпила из стакана.

Рудольф поставил рюмку на стол.

– Я выпью позже, – сказал он. – Пойду пожелаю Инид спокойной ночи.

– Иди, – отозвалась Джин. – Знаешь, по-моему, француженке следует приплатить. Она такая мягкая и терпеливая и отлично смотрела за Инид.

– Ты не пойдешь со мной?

– Нет, – ответила Джин. – Я еще должна подкраситься.

– Я быстро, – пообещал он.

– Не спеши, – отозвалась она. – У нас вся ночь впереди.

Инид в полосатой тельняшке уже доедала ужин. Когда Рудольф вошел в комнату, девочка смеялась. Няня не говорила по-английски, тем не менее они, по-видимому, умудрялись превосходно понимать друг друга. «Этот дар исчезнет, – с болью подумал Рудольф, – как только Инид начнет учиться». Он поцеловал ее в макушку, поздоровался с няней.

– Извините нас за эту рубашку, мсье. Инид уже выкупалась, но не захотела надеть пижаму. Она говорит, что сегодня будет спать в этой рубашке. Надеюсь, вы ничего не имеете против? Я не стала настаивать...

– Конечно, нет. – Француженка понимает, где следует уступить. – Зато она будет лучше спать. – Потом он попросил ее собрать утром вещи девочки, так как она улетает в Нью-Йорк. «К тому времени, когда я покончу здесь со своими делами, я научусь говорить по-французски даже с полицейским-корсиканцем. Что ж, нет худа без добра».

– Bien, monsieur¹⁹, – ответила няня.

Рудольф внимательно посмотрел на дочь. Она выглядела здоровой и довольной, щеки у нее порозовели от пребывания на солнце. «Что ж, – подумал он, – еще один плюс. Хоть кому-то наше путешествие пошло на пользу». Она ела весело, словно это была еще одна игра, а потом вдруг схватила няню за руку, и Рудольф решил по приезду в Нью-Йорк рассчитать миссис Джонсон. Миссис Джонсон всем хороша, но ей за пятьдесят и уже не до игр.

Он еще раз поцеловал Инид в макушку и наклонился; она сказала: «Спокойной ночи, папа» – и чмокнула его в щеку, размазав по ней овсяную кашу. От Инид пахло мылом и тальком; не будь рядом няни, он поднял бы дочь со стула и крепко обнял.

– Спокойной ночи, мой морячок, приятного тебе сна, – сказал он вместо этого и вышел из комнаты.

Ужин оказался превосходным, над морем сияла луна, ресторан был почти пуст, и официанты увлеченно сустились вокруг их столика. Джин потребовала, чтобы он добавил к заказанному бутылку вина – только для себя, и он согласился. Выяснилось, что им есть о чем побеседовать, все это были темы веселые и незначительные, поэтому разговор тек непринужденно, без неловких пауз. Джин нагнулась над тарелкой, и Рудольф, любуясь ее мягкими волосами,

---

¹⁹ Хорошо, мсье (фр.).

подумал: «Мы все резиновые – вытягиваемся из своего облика, а потом – по крайней мере внешне – снова такие же, как прежде, или почти такие же».

Сидя возле огромного окна, выходившего на темное море, по которому к еле видимым вдали островам бежала серебряная дорожка дрожащего лунного света, они не спеша пили кофе и казались – он не сомневался – довольными собой и друг другом.

Потом они медленно пошли в отель, и, когда добрались до своего номера, Джин сказала: – Ложись, милый. Я сейчас приду.

Он разделся и лежал во тьме, ожидая. Дверь тихо открылась, послышался шорох – это Джин сняла халат, – и она легла рядом с ним. Он обнял ее, тело ее было теплым, и она не дрожала. Они лежали неподвижно и вскоре оба уснули.

* * *

А в номере дальше по коридору беспокойно ворочалась Гретхен. Она спала одна – после вкусного ужина с обильными возлияниями. Молодой человек, почти самый красивый в зале, был внимателен, потом стал настойчив. Она чуть не сказала «да». Но все-таки не сказала. Прежде чем заснуть, она подумала: «Не ляпни мой чертов братец: «И где ты только их находишь?» – я бы определенно не была сейчас одна».

7

*Из записной книжки Билли Эббота
1968*

Случайно наткнулся на свежий номер европейского издания журнала «Тайм». И вдруг в разделе «Преступления» мне попадает заметка о Джордах – малоприятная история нашего семейства и фотография обнаженной женщины. Короткое, но впечатляющее повествование о крахе, убийстве и позоре.

Я вырезал эту заметку и прилагаю ее к моим запискам. Она послужит моим потомкам, если таковые появятся, краткой иллюстрацией к их генеалогическому дереву.

«Где, по-вашему, можно встретить троих детей эмигрировавшего в свое время из Германии и впоследствии покончившего жизнь самоубийством пекаря из маленького городка на Гудзоне? Представьте себе: на яхте возле Ривьеры. После того как недавно в антибском порту был убит Томас Джордах, более известный в прошлом как боксер среднего веса Томми Джордан, из досье французской уголовной полиции всплыло на поверхность еще несколько имен, в том числе: сорокалетний Рудольф Джордах, брат Тома, миллионер, бывший мэр города Уитби, штат Нью-Йорк; сын Джордана – Уэсли; Джин Прескотт Джордах, жена Рудольфа и наследница прескоттовской фармацевтической империи на Среднем Западе; Гретхен Берк, сестра обоих Джордахов и вдова театрального и кинорежиссера Колина Берка.

Согласно сведениям из антибских источников, Джордан скончался от побоев вскоре после своей свадьбы и после того, как вырвал свою подвыпившую невестку из лап портового бандита в весьма подозрительном ночном баре Канна.

По словам Джин Джордах, которая живет в роскошном отеле «Дю Кап», на нее напали, когда она зашла в бар выпить. Появившийся затем Джордан зверски избил пристававшего к ней человека. На следующий день Джордан был убит у себя на яхте.

Представители французской полиции заявляют, что у них на подозрении целый ряд лиц».

К счастью, обо мне в заметке ни слова. Так что вряд ли кто-нибудь догадается о моем родстве с миссис Берк, вдовой известного режиссера и бывшей женой ничем не прославившегося сочинителя рекламы по фамилии Эббот. Моника, конечно, догадалась бы, потому что я много рассказывал ей о матери, но, к счастью, Моника не читает «Тайм». Этот журнал, по ее мнению, предназначен только для развлечения публики, поэтому правды в нем нет.

Я иногда думаю: а почему бы мне не попытаться стать журналистом? Я любопытен и хитер, а это два немаловажных качества для журналиста.

Моники дома нет. На столе записка. Ее не будет несколько дней. Моника считает, что женщинам позволено больше, чем мужчинам.

Я по ней уже скучаю.

Багаж перенесли в лимузин, который заказал для них портье. Гретхен, Джин и Инид разместились на заднем сиденье. Инид – со слезами на глазах, потому что ей предстояло расставание со своей французской няней. Рудольф в третий раз проверил, на месте ли билеты, и шофер распахнул перед ним переднюю дверцу, но тут к дверям отеля подъехала машина. Из машины вылезла небольшого роста, полная, неряшливо одетая женщина с седеющими волосами, а из-за руля – маленький полный мужчина.

– Вы Рудольф Джордах? – спросила женщина, направляясь к нему.

– Да. – В женщине было что-то знакомое.

– Ты, наверное, меня не помнишь, – сказала женщина. Она повернулась к маленькому полному мужчине: – Я говорила тебе, что он меня не вспомнит.

– Да, говорила, – согласился мужчина.

– А я тебя помню, – сказала женщина Рудольфу. – Очень хорошо помню. Я жена Тома, мать Уэсли. Я приехала за своим сыном. – Она нырнула в висевшую у нее на руке большую сумку и, вытащив экземпляр «Тайма», помахала им перед носом Рудольфа.

– О Господи! – простонал Рудольф. Он совсем забыл про журналиста и про телекс. А вот журналист, по-видимому, не забыл про него. Бедный Уэсли, его имя уже неделю как стало достоянием миллионов, и еще много лет на него будут смотреть с любопытством и, где бы он ни очутился, подходить и спрашивать: «Извините, не вы ли такой-то?»

– Разрешите взглянуть, что там написано, – потянулся за журналом Рудольф. Журналист приходил до того, как Уэсли попал в тюрьму, но мог, разумеется, не успокоиться и довести свою историю до конца. Рудольф нахмурился, представив себе, в каких красках «Тайм» способен расписать драку Уэсли с англичанином, оказавшимся в больнице с сотрясением мозга.

Тереза отступила и спрятала журнал за спину.

– Иди и сам купи себе журнал, – заявила она. – Судя по тому, что здесь написано, ты вполне можешь себе это позволить. Ты и твоя полоумная голая жена.

О Господи, они раскопали старую фотографию! Вот было бы счастье для человечества, если бы в один прекрасный день сгорели дотла архивы всех газет на земном шаре!

– Здесь все написано, – злорадно констатировала Тереза. – На сей раз тебе не удалось с помощью денег выручить моего бывшего муженька, а? Наконец-то он получил по заслугам!

– Извините, Тереза, – сказал Рудольф. Совершенно непонятно, как Том мог на ней жениться. Наверное, в момент бракосочетания он был либо пьян в стельку, либо очумел от наркотиков. Когда Рудольф видел ее в последний раз – три года назад в конторе Хита, – он дал ей денег, чтобы она могла поехать в Рино и получить развод, – она была платиновой блондинкой и весила фунтов на двадцать меньше. Но и тогда выглядела не лучше и не хуже, чем сейчас. – Извините, что не узнал вас. Вы изменились.

– Ты меня не очень-то и запомнил. – Она не скрывала своего злорадства. – Познакомься с моим мужем – мистером Крейлером.

– Добрый день, мистер Крейлер.

Мужчина что-то хрюкнул в ответ.

– Где мой сын? – резким голосом спросила Тереза.

– Руди, – окликнула его из машины Гретхен, – мы можем опоздать. – Его разговора с этими людьми она не слышала.

Рудольфа бросило в жар, хотя утро было довольно прохладным.

– Извините меня, миссис Крейлер, – сказал он, – но мы спешим в аэропорт...

– Вам не удастся улизнуть от нас, мистер Джордах, – парировала Тереза, тыча ему в лицо скрученным в трубку журналом. – Не для того я проделала весь путь через океан, чтобы ты улетел у меня из-под носа.

– Я никуда не улетаю, – тоже повысил голос Рудольф. – Я провожу свою семью и вернусь. Через два часа мы можем встретиться здесь.

– Я хочу знать, где мой сын, – настаивала Тереза, держа его за рукав и не давая сесть в машину.

– Если угодно, он в тюрьме.

– В тюрьме! – взвизгнула Тереза и трагически поднесла руку к горлу. По ее реакции Рудольф понял, что об этом в журнале не было написано.

– Возьмите себя в руки! – резко сказал Рудольф. – Ничего серьезного не произошло.

– Ты слышишь, Эдди? – не унималась она. – Мой сын за решеткой, а он говорит, что ничего серьезного не произошло.

– Я слышал, что он сказал, – отозвался мистер Крейлер.

– Вот это семейка! Отдай ребенка им в руки, – продолжала Тереза так же визгливо, – и, не успеешь оглянуться, он уже попал в полицию. Счастье, что его папашу пришили, а то бы мне не узнать, где он находится, и одному Богу известно, во что бы его там превратили. А знаешь, кто должен сидеть в тюрьме... – Она отпустила Рудольфа, отступила на шаг и, театрально вытянув грозный указующий перст, с дрожью в голосе выкрикнула: – Ты, с твоими махинациями, взятками и грязными деньгами!

– Когда вы успокоитесь, – сказал Рудольф, делая попытку сесть в машину, – я вам все объясню. – И обратился к шоферу: – Allons-y²⁰

---

²⁰ Поехали (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.